

ПИТЕР БЛЭК

КАРМАННАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Вселенная книги основана на «Законе ускоряющейся отдачи», сформулированном футурологом и техническим директором компании GOOGLE Реймондом Курцвейлом

16+

Питер Блэк

Карманная вселенная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42185239

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04027-4

Аннотация

Будущее, какое оно? Жестокое, безжалостное, неприветливое – загадочное! Не может быть мира более необычного, чем мир завтрашнего дня. Мир высоких технологий и биоинженерных жутковатых чудес. Мир высоких умов и глобальных компьютерных сетей. Мир всемогущих космических кланов, живущих по своим законам. Мир, в котором искусственный разум, обитающий под боком, в вашем доме, в состоянии погубить всю вселенную. А самая крутая парочка пытается спасти любовь, изменяя для этого судьбы человечества и направление, казалось бы, незыблемого течения времени!

Содержание

Часть I – Тайны прошлого	4
1. Королевство неназванной звезды	4
2. Обелиск-113	42
3. Расхититель гробниц	63
4. Восемь астероидных колец	79
5. Побег	101
6. Хранители времени	119
7. Игра в молчанку	134
8. Вирус жизни	148
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Питер Блэк – Карманная вселенная

Часть I – Тайны прошлого

1. Королевство неназванной звезды

96 год после Земли. Орбита безымянной звезды. Пояс астероидов

Что-то тяжелое все давило и давило на мою грудь, каждый новый вдох давался сложнее предыдущего. Казалось, будто я очутился в плотно запакованном ящике, не способный пошевелить ни руками, ни ногами. Внутри было темно, и лишь голубоватые цифры отсчитывали время в обратном порядке – пятьдесят девять, пятьдесят восемь, пятьдесят семь...

Между тем стенки моей ловушки продолжали сжиматься все сильнее и сильнее, порождая отчетливое ощущение – когда обратный отсчет обнулится, произойдет что-то непоправимое. Охваченный нарастающим страхом, я напрягся изо всех сил, изогнулся и, что было духу, надавил на запечатанную крышку ящика руками и ногами. На удивление она поддалась, и в тот же момент я проснулся.

Барс подлетел вверх на полметра, развернулся в воздухе, вытянул свои когтистые лапы и беззвучно приземлился в стороне от дивана. Оказавшись на твердой поверхности пола, он гордо выпрямился, грациозно потянул пушистую спину так, как могут растягиваться только кошачьи, зевнул и принялся вылизывать шерсть из своего длиннющего хвоста. Закончив свой утренний туалет, он как ни в чем не бывало прошелся по комнате и скрылся за дверью коридора, за все это время ни разу не удосужив меня своим вниманием.

«Обиделся!» – подумал я, разминая затекшие конечности.

Поначалу мне было неудобно перед Барсом за столь неожиданную побудку, но, видя его невозмутимое равнодушие, я подумал, что тот и сам по-своему виноват.

«Тоже мне гордая кошка! Нечего спать у меня на груди!» – пробурчал я себе под нос. – «Уже большая киса, а привычки как у котенка.»

Я сел на диван и уставился в полумрак гостиной. Сонное состояние не позволяло что-либо предпринять дальше. Сил подниматься не было, а тяжелая больная голова от непомерно выпитого накануне постоянно стремилась перевесить и завалиться то на правый, то на левый бок.

«Везет же кошачьим!» – блуждали в моей голове завистливые мысли. – «Эти создания могут моментально переходить от состояния сна к бодрствованию».

Пока я с трудом пытался проснуться, остальная часть го-

стиной продолжала пребывать в полумраке, лишь тускло светились ступеньки на кухню и подмигивали аварийные и пожарные датчики. Кухонный робот – безмозглая железяка – почуяв, что хозяин не спит, загремел посудой и принялся разбирать мой вчерашний сабантуй.

– Доброе утро, хозяин! – сообщила тут же возникшая передо мной голограмма.

Ее звали Ари. Искусственный интеллект в образе симпатичной девушки, управляющей нашей станцией, представал передо мной каждое утро, чтобы объявить свое традиционное приветствие.

На ней была черная обтягивающая юбка ниже колен, акkuratная белая блузка и лакированные туфли на высоких каблуках. Волосы собирались в тугом пучке на затылке, а на переносице держались изящные узенькие очки. Во всем ее внешнем виде присутствовало какое-то нарочитое стремление к преувеличению, присущее персонажам анимационных фильмов. Сквозь узкие стеклышки декоративных очков, придающих ей сходство со строгой молодой учительницей, она внимательно рассматривала меня своими большими голубыми глазами.

Сегодня, как обычно, электронная барышня была подтянута и строга. Она стояла, грациозно изогнув покатые бедра и сложив руки крест-накрест под высокой грудью, покоящейся в глубоком разрезе блузки на тонкой, даже излишне тонкой талии. Равнодушное выражение лица, насмешливый

взгляд, плотно сжатые губы – в этом была вся Ари!

Я давно привык к ее саркастическим утренним визитам и старался не придавать им особого значения. Тем более, что, как мне казалось, ко мне она относилась равнодушно – снисходительно. Думаю, что наши отношения с налетом легкой неприязни были обоюдными.

– Доброе и тебе, – небрежно бросил я, разминая затёкшие конечности.

– Как спалось? – спросила она без видимого интереса, но с явной скрытой издевкой, параллельно рассматривая свои крашенные ногти.

– Не очень, – ответил я, делая легкие гимнастические движения руками, зачем-то пытаюсь показать собеседнице, что прихожу в норму.

– Ну-ну! – сказала она равнодушно и также внезапно исчезла.

– Вот и поздоровались, – буркнул я себе под нос, когда ее образ растаял в воздухе.

Хотя синтетический голос Ари был всегда монотонен и сух, я научился улавливать в нем тонкие проявления электронных эмоций. Сейчас можно было с уверенностью сказать, что она была крайне недовольна. Я заметил, что эпитет «хозяин» употреблялся ей для обозначения возникшей между нами дистанции. Какой же я был здесь хозяин, если полноправной повелительницей этих мест являлась она сама.

Каким-то непонятным образом за долгие годы у электрон-

ного разума, обитавшего на станции, сформировались высокие стандарты в отношении своего идеального господина.

Если бы она была в состоянии напрямую выразить свое отношение к моей персоне, то, я уверен, что ее речь изобиловала бы следующими нелестными эпитетами: безмозглый, тупой, нелепый, неопрятный, алкоголик...

К счастью для меня, она была не способна на подобное обращение. Являясь одним из потомков ее великих создателей, я к своему собственному облегчению оказался за рамками ее критики. Электронные принципы искусственного интеллекта требовали беспрекословного служения своему человеческому «господину», а строгий этикет не позволял отпускать какие-либо неуважительные замечания в его адрес.

И лишь ее невербальные проявления не могли удержать тех или иных скрытых эмоций. В ее тонких намеках, усмешках и ухмылках, в деланном безразличии и флегматичном пожимании плечами, взгляде и наклоне головы – везде сквозила колкая ирония.

Меня стало снова клонить в сон, когда на пороге гостиной вновь появился Барс. В полудреме я наблюдал, как он прошелся мимо, все также не обращая на меня никакого внимания, сделал себе кофе и, включив изображение, улегся на кресло смотреть какой-то сентиментальный фильм.

«Дорогая, ты выйдешь за меня?» – стали доноситься до моего слуха обрывки чужого диалога. – «Непременно, люби-

мый!»». Дальше шли характерные причмокивания поцелуев в антураже весьма слезливой музыки.

Барс – так звали представителя семейства кошачьих – был местным старожилом. Мы познакомились с ним три месяца назад, когда я только прибыл на станцию. Этот разумный зверь являлся потомком снежного леопарда, так же называемого ирбисом – подвидом семейства кошачьих, вымершего на Земле пару сотен лет назад. Здесь, на станции, ему подарила жизнь всемогущая Ари, клонировав его с целью весьма примитивной и даже, на мой взгляд, смешной, а именно – охоты на грызунов.

Ари и ее полчища роботов, к моему удивлению, оказались бессильны против появившихся в ее владениях мыши обыкновенной, которая, в свою очередь, кроме уничтожения запасов продовольствия, грызла провода, различные электронные устройства и являлась для нее источником бесчисленного количества неприятностей. Дабы предотвратить их нашествие, электронная барышня решила воссоздать одного из кошачьих, чтобы тот немедленно приступил к охоте.

Видимо, изначально у Ари что-то пошло не так, и вместо обычной домашней кошки на свет появился красавец Барс – снежный леопард с очень длинным и пушистым хвостом. Покрытый пепельно-дымчатой шерстью с черными кольцевыми пятнами, как у леопарда обыкновенного, он, в отличие от последнего, имел вполне себе кошачью привычку мяукать.

Он был изыскан, статен и красив и, кроме всего прочего, совершенно не приспособлен для охоты за мелкими вредителями. Барс физически не годился для поставленной ему задачи. Он очень быстро вымахал до размеров взрослого ирбиса, а это практически метр тела и метр хвоста, и уже не мог пролезть ни в один вентиляционный канал, где тем временем продолжали безнаказанно резвиться мыши.

Но Ари была не из тех, кто привык сдаваться! Она оказалась особой изобретательной, и первый свой промах компенсировала достаточно амбициозным апгрейдом. Электронная барышня модифицировала ирбису лапы, удлинив и сделав подвижными пальцы передних конечностей, вживила в мозг зверя чип стимуляции сознания, который позволял ему соображать не хуже человека и, ко всему прочему, изменила строение гортани, дабы воссоздать там совершенно человеческие голосовые связки. Не знаю в точности, как ей удалось пробудить искру сознания в недалёком кошачьем мозгу, но факт оставался фактом – Барс стал чертовски разумен!

После всех этих многочисленных улучшений Барс, не способный уже более действовать по-кошачьи, начал действовать вполне себе по-человечьи. Он начитался каких-то умных книг и принялся строить всевозможные мышеловки и ловушки против распоясавшихся на станции грызунов, попутно тренируя свои новые связки вокальными партиями из похабных песенок.

Вооруженный человеческой смекалкой, Барс достаточно

быстро расправился с мышинным выводком и, лишившись понятной цели существования, заскучал. Не имея иного занятия, он стал день за днем поглощать всю ту гигантскую коллекцию человеческих фильмов, передач и книг, которую собрала Ари у себя в электронных хранилищах, накачивая свой, волею случая обретенный, человеческий разум так называемой «интеллектуальной пищей». Сам же он, в оправдание своего тунеядства, заявлял, что занимается этим в попытке наверстать миллионы лет разумной эволюции, которые их вид прозевал в лесах Гималаев.

Со временем я подметил одну интересную деталь. Несмотря на совместное проживание, Барс и Ари как бы не замечали друг друга. На счет их странного молчания у меня возникало сразу же несколько догадок.

Поначалу я считал, что эти два создания обмениваются информацией как-то телепатически. Мне казалось, что прозрачная барышня, обладающая практически неограниченными возможностями, вполне была способна и на такое общение.

С другой стороны, причиной загадочного молчания мог стать природный снобизм моей хозяйки. Изначально классифицировав Барса как низкоранговое создание, наподобие ее бесчисленных роботов и дронов, она впоследствии более не считала нужным снисходить до общения с ним.

Еще одна, наверно, самая правдоподобная догадка заклю-

чалась в древнем чувстве обиды, недопонимания или даже вражды, затаившемся между моими сожителями. Ари, как всегда, была слишком требовательна к своим подчиненным, а своенравная и независимая кошка ни в какую не соглашалась признавать полновластное превосходство местной хозяйки.

Несмотря на то, что Барс все же являлся продуктом ее генетического творчества, он никогда не выказывал строгой барышне должного уважения. Я обратил внимание на то, что даже сталкиваясь с ней в узких коридорах станции, он несколько не сторонился ее. Животное равнодушно проходило сквозь полупрозрачную субстанцию, попутно возмущая ее мерцающее изображение. Девушка делала вид, что не замечает его присутствия, но я подмечал, как возмущенно ползли кверху ее тонкие дуги бровей, и как гордо подергивался ее веснушчатый нос.

Оставалось загадкой, что же на самом деле произошло между этими странными созданиями до моего появления на станции. Но я старался глубоко не вдаваться в подробности их межличностного конфликта, поскольку для меня, в первую очередь, было в равной степени важно поддерживать дружеские отношения и с тем, и с другим, и ни в коем случае не потерять столь странных, но все же единственных собеседников на этой Богом забытой станции. Ясным для меня в этой ситуации оставалось только одно: оба они – два сапога пара, до неприличия гордые и заносчивые типы и, обитая

вместе с ними на станции, мне придется мириться с их прихотями и заморочками.

В данный момент, свернувшись клубком на кресле, Барс жадно созерцал очередную серию древнего ситкома, эволюционируя, как ему казалось, все быстрее и быстрее. Я все представлял, что в какой-то момент он разовьётся до такой степени, что совершенно по-человечески начнет сморкаться в платок и вытирать увлажнившиеся глаза, близко принимая переживания героев сериала к своему кошачьему сердцу.

– Барс, сделай по тише, – попросил я своего кошачьего сожителя убавить звук, но тот, по уже сложившейся древней традиции, проигнорировал мою просьбу.

Тогда я запустил в него подушкой и отправился в ванную, про себя повторяя: «Как же тяжело с ними! Люди, скорее уже заберите меня отсюда!»

Внутри ванной, светящиеся голубым струи холодного душа приглашали принять их бодрящую свежесть.

Мимоходом я заглянул в зеркало, а оттуда на меня уставился совершенно небритый лохматый мужик. Казалось, что ему давно за 30, так сильно он зарос за эти несколько месяцев, да и с похмелья он выглядел, мягко говоря, не очень.

Собравшись с силами, я начал приводить своего двойника в форму, и после несколько не слишком продолжительных манипуляций с расчёской и бритвой из зеркала на меня

вновь посмотрел молодой человек лет двадцати пяти приятной наружности. После того как мне наконец удалось окончательно пригладить упрямо торчавшие на макушке темные волосы, я потянулся волосатой ногой под струю холодного душа.

– Прошу сделать воду теплее, – обратился я к Ари, отдернув ногу обратно.

– Холодная вода быстрее приведет вас в порядок, – отозвалась та синтетическим голосом. – Также не забудьте принять лекарство от похмелья.

Хотя ее речь была все так же монотонна, для себя я научился визуализировать эмоции невидимого собеседника. Сейчас мне казалось, что где-то там, по другую сторону электронных микросхем, она ухмыльнулась. Спорить с ней не хотелось, поэтому, проглотив таблетку, я, поежившись, принял вызов.

Холодные иглы пронзили мое тело, возвращая сознанию бодрость и ясность мыслям. Через какое-то время, когда зубы только-только начали мелко стучать друг об друга, вода, наконец, стала теплее (спасибо ей и за это).

Сквозь шум домашнего водопада было слышно, как роботы всерьез взялись за уборку гостиной. Я совершенно не помнил, как уснул там вчера вечером, не добравшись до спальни. Причиной тому была моя развившаяся алкогольная зависимость.

Отсутствие нормального человеческого общения побудило искать здесь лекарство от одиночества, поэтому я не без удовольствия пристрастился к старому земному виски, которое в достаточном количестве содержалось на складах станции. Бурбон прогонял дурные мысли, растворяя сознание в алкоголе, но на утро похмелье с новой силой начинало подталкивать меня к пропасти духа. И несмотря на то, что последствия абстинентного синдрома легко снимали таблетки Ари, на душе оставалось чувство пустоты и неопределенности завтрашнего дня. Тогда мне начинало казаться, что я отправился на край земли лишь для того, чтобы проводить время в компании чопорного электронного интеллекта и кошки, смотрящей сериалы, что все это ненужная трата времени, и жизнь моя пуста и напрасна.

Мне нравится стоять так долго-долго, пропуская через себя подобные мысли и слушать шум падающей воды, который постепенно заглушает мой внутренний монолог. Каждое утро я как будто заново оживал под ионизированным водопадом искрящихся брызг, ожидая того момента, когда душевная тревога и головная боль растворятся в шумящих струях, как вчерашний сон.

В сентябре прошлого года, уйдя из академии, я нанялся в Межзвездную торговую корпорацию, сокращенно называемую здесь МТК, и после курсов переподготовки впервые был направлен к «неназванной звезде».

Работа предвиделась не самой приятной, так как не предполагала какого-либо контакта с людьми на протяжении многих месяцев. Хорошо, что на станции оказались Барс и Ари, именно они не давали мне окончательно сойти здесь с ума. Хотя хорошо ли – иногда, учитывая скверный характер обоих, я начинал сомневаться и в этом.

Станция, созданная еще в прежние времена, когда наука робототехники была искусством, уже сотню лет безупречно работала в автономном от человека режиме. Направлен я был сюда не из-за того, что машинам требовался мой контроль и координация. Нет! Дни, когда человек делал это, были сочтены. Ари отлично справлялась со своей работой и без чьей-либо помощи.

Причина, по которой я здесь находился, выходила за рамки компетенции электронного разума. С недавних пор на станции стали пропадать дроны разведки. Ари оказалась не способна отыскать беглецов, и в соответствии с протоколами внештатных ситуаций послала своим хозяевам запрос о помощи.

Сигнал преодолел сорок триллионов километров и через четыре с половиной года достиг штаб-квартиры торговой корпорации, но он не произвел какого-либо ажиотажа среди служащих компании. Никто из персонала не жаждал отправиться на край вселенной к Богом забытой звезде, чтобы разбираться в пропаже каких-то там дронов. Поэтому послали меня, по их мнению, специалиста молодого и подающего

надежды.

Мне же в тот момент было абсолютно все равно, куда и с какой целью лететь, лишь бы не оставаться в центре событий, развивавшихся в системе материнской звезды. У меня были веские причины сбежать оттуда как можно дальше, а большая удаленность этих мест от людских поселений воспринималась как очевидный плюс – здесь меня трудно будет найти моим преследователям. Поэтому я охотно воспользовался предложением компании и отправился в дальнейшее странствие.

Система неназванной звезды располагалась на окраине галактики. Она была слишком далека от основных торговых и транспортных путей, чтобы о ней хоть что-то было известно за ее пределами. В отличие от других звезд, эта оказалась совершенно безымянной, и на всех картах звездного неба непримечательный желтый карлик значился, как *untitled star*.

Почему так случилось, мне было неизвестно. Нигде до этого я не встречал упоминаний о ней и, пожалуй, этому было свое объяснение. Причину безымянности, на мой взгляд, следовало связать с ее тривиальностью. Система звезды не имела ни единой планеты, а значит, была совершенно не пригодна для жизни. Лишь несколько безжизненных астероидных колец крутилось вокруг ее центра на разном удалении. Кроме двух моих странных сожителей, на миллиарды километров вокруг невозможно было сыскать ни одного разумного существа.

Однако! На мой субъективный взгляд, в названии без названия таилась какая-то тайна. Если бы меня попросили придумать наименование для столь непримечательной и скучной звезды, я бы наверняка обратился к случайной комбинации из букв или цифр наподобие той, что обычно предлагают в качестве паролей компьютерные системы. Здесь же явно прослеживалась торопливая рука картографа, впопыхах заметающего следы преступления. Мне отчетливо казалось, что эта звезда неслучайно стала безликой и наверняка скрывает в себе какую-то тайну.

В этом уютном и, наверное, худшем во вселенной месте для жизни, в которое меня занесла судьба, единственным пристанищем для путника была космическая станция с библейским названием «Путь прорицателя». Она-то и сделалась моим новым домом на эти долгие месяцы одиночества.

Кроме меня, Барса и Ари на станции больше не было разумных существ, хотя ее окрестности просто кишели бесчисленным количеством роботизированных механизмов разных видов и форм. Весь многочисленный электронный персонал космической колонии занимался разработкой рудоносных месторождений в астероидном кольце. Несколько тысяч машин, контролируемых искусственным разумом моей мадам всезнайки, ежедневно отправлялись на работу по добыче полезных ископаемых. Дроны трутней и разведчиков сновали в попытке отыскать, расщепить и добыть хоть что-

либо полезное. Фабрики занимались их воспроизводством и регулицией, а по квантовому тоннелю каждый месяц прибывала грузовая баржа, чтобы забрать и доставить к материнской звезде, добытые колонией минералы.

Что такого ценного было в них, чтобы стоило тащить этот груз через полгалактики, я был не в курсе. Впрочем, расследование экономически убыточных мероприятий корпорации не входило ни в мои планы, ни в мою компетенцию.

Стоит отметить, что всем этим муравейником как раз и заправляла моя виртуальная барышня. В моем воображении она всегда возникала в образе здешней королевы – королевы целой звезды без названия! Неприступной, саркастической и бездушной.

К сожалению, несмотря на все мои попытки привить ей хоть каплю женственности и кокетства, она оставалась предельно холодна и подчёркнуто формальна. Иногда Ари снисходила до подколов над моей нелепой, по ее мнению, персонной, но во всех остальных своих проявлениях придерживалась жесткой субординации.

Я же как мог, старался вывести ее из эмоционального равновесия. Издевался и провоцировал. Откалывал нелепые шутки, забывал инструкции, напивался до полусмерти и не выполнял половину жизненно важных требований, так что ей не раз приходилось выручать меня из передряг.

В состоянии алкогольного опьянения я мог беспечно

уснуть рядом с термоядерным реактором, обеспечивающим питание станции, или вывалиться в открытый космос без кислорода и страховки. Умудрялся сажать вверх дном космический шаттл, натренировал две команды дронов для игры в астробол, по результатам которого были разрушены несколько павильонов станции.

«Ари, какого черта вы решили меня пропылесосить!» – орал я, когда ее роботы вытаскивали меня, сильно пьяного, застрявшего в воздушном фильтре. В другой раз я уверял ее, что ей нужно проветрить станцию. «Срочно откройте все форточки!» – кричал я на опешивших роботов, еле держась на ногах. Но, что бы я ни делал, в итоге она все равно оставалась невозмутимой к моим проказам.

Барс по большей части не встречал в наши отношения и лишь внимательно наблюдал за ними со стороны. С этим четвероногим созданием у меня были свои развлечения, как мне казалось, недоступные и непонятные электронному мозгу.

Большую часть времени мы проводили в искусственном дендрарии, который заполнял ветвистой зеленью один из куполов станции. Древние инженеры создали здесь сбалансированный микроклимат, с устойчивыми замкнутыми пищевыми цепочками, который позволял существовать, расти и размножаться бесконечное количество жизненных циклов нескольким видам растений и животных.

Здесь можно было найти ветвистые тропические деревья, по которым прыгали неизвестные мне виды зверей, выведенные специально для существования в подобных условиях. В ветвях щебетали птицы, а по стволам ползали насекомые.

Были здесь кусочек тундры и кусочек степной растительности. Невероятной смотрелась в столь неблагоприятном окружении космоса сложная биологическая система, воссозданная по древним воспоминаниям земной биосферы.

А еще в дендрарии, так же, как и на имитируемой им планете, происходила искусственная смена дня и ночи. И именно здесь добывали к завтраку услужливые роботы Ари огурцы, помидоры и другие приятные фрукты и овощи.

Моим самым любимым местом времяпрепровождения была поляна средней полосы умеренного земного климата. По ее краям росли высоченные сосны. Их корни были покрыты мхом и трухлявыми шишками. На вершине скакали белки, а в поимке короедов тренировался неутомный дятел.

Мы с Барсом лежали под ними на мягкой траве и смотрели на звезды. По какой-то неведомой мне причине я мог назвать большинство из видимых созвездий. Вот это Кассиопея в виде буквы W, а это Орион, который в полный рост появляется на небосклоне лишь весной, и многие другие звездные комбинации мне также были знакомы как будто из моих снов.

– Видишь эту еле заметную звезду в созвездии скорпиона? – обращался я к Барсу и указывал пальцам, что, конечно же, было совершенно бесполезно в данном масштабе. – Смотри-смотри, левее и ниже Антареса есть еще одна звезда, а затем еще ниже Вей. А от Вея три звезды влево, а четвертая наша. К сожалению, неяркая, сложно найти, – печалился я.

– Да, – говорил задумчиво Барс, – вижу!

– А я – нет, – улыбался я в ответ и прикладывал к глазам портативный телескоп, – хорошее у тебя зрение, кот!

Немного помолчав в раздумьях, я добавлял с грустью: «А вот где находится древняя звезда Солнце, я не знаю. Да и мало кто может найти ее на звездном небосклоне без специального оборудования – слишком неприметная».

Несколько раз мы с Барсом подвергались строжайшим выговорам от Ари за то, что пытались воссоздать атмосферу, описываемую в древних книжках: «Сумерки. Высоко в небе на фоне бесчисленных звезд темные силуэты сосен. В их вершинах гуляет ветер, заставляя ветки карабкаться по небосклону. Из чащи смотрят глаза неизвестных ночных зверей. Но нам не страшно. Внизу среди корней и мха горит веселый костер. Он освещает лишь небольшой клочок земли вокруг нас, весь остальной мир по-прежнему таится во мраке, но и этого достаточно, чтобы прогнать страхи и вселить в нас чувство разумного превосходства над неведанными зверьми».

Сосны были, звезды были, были даже сумерки. Дело было

за малым – требовалось развести настоящий костер. Но тут мы столкнулись с серьезной проблемой. Как только весёлое пламя поднималось над поляной, приезжали юркие роботы и быстро гасили игривую плазму. Мы пытались отгонять их с Барсом, но тогда в диалог вступала невидимая Ари, требуя во имя вселенской гармонии и пожарной безопасности потушить проворный огонь. Приходилось хоть с неохотой, но подчиняться. В конце концов Барс раздобыл где-то газовую лампу, и на этом мы успокоились.

Иногда, чтобы добавить в атмосферу первобытных красок мистического таинства, я притаскивал сюда свое заветное зелье, предварительно подмешав в виски валериану.

Вы когда-нибудь хотели напиться со своим котом? Так вот я делал это, и скажу, что весело здесь только поначалу.

Как известно, коты не слишком разборчивы во вкусах. Например, сахар они совсем не в состоянии прочувствовать из-за отсутствия нужного гена. Также неярко обстоит дела с остальными оттенками. Но вот валерьянка отчетливо выделяется на небосклоне вкусовых предпочтений кошачьих. По большому счету для них есть только вкус номер один – это вкус валерьянки и вкус номер два – все остальное. По началу я добавлял ее в виски и делился содержимым с Барсом, но очень скоро пришлось прекратить свои эксперименты, поскольку нализовавшийся кот выглядел слишком жалко.

– Расскажи мне о своем мире, откуда ты прибыл, о вели-

ком переселении и о таинственном прорицателе, – просил он меня зачарованно каждый раз, когда искусственное солнце опускалось к искусственному горизонту.

Я принимался пересказывать легенду происхождения нашей цивилизации. Сказать по правде, я делал это не первый раз, стараясь при каждом новом случае разукрасить ее дополнительными деталями. Кот, рождённый в неволе, зачарованно слушал ее снова и снова, поскольку история эта была о космосе, о иных мирах, о далеких планетах и отважных космических пилигримах.

– Из-за большой катастрофы, произошедшей много лет назад планета, Земля оказалась более непригодна для жизни! – начинал я свой рассказ. Для того чтобы отыскать человечеству новый дом, тысячи маленьких разведчиков были отправлены землянами к ближайшим звездам. По прошествии нескольких лет, пока Земля увядала, а ее прежние обитатели ютились в тесных орбитальных поселениях, от космических исследователей начали приходить известия.

Большинство найденных ими планет оказались непригодны для жизни, другие имели свои недостатки наподобие слишком холодного климата или сильно разряженной атмосферы, и только одна кандидатура смотрелась идеальной во всех отношениях. Ее параметры массы, строения, химического состава практически совпадали с Земными. Убедившись, что она обладает необходимыми компонентами для

создания нового дома, ковчег с колонистами отправился в путь.

К сожалению, все то, что ранее было так дорого землянам: зелень лесов, чистота рек, ветер в вышине неба и дымчатые силуэты гор – то, что сейчас можно встретить лишь в подобных имитациях, – я обвел руками пространство вокруг, – пришлось оставить ради спасения.

Много лет межзвездный корабль с отважными пилигримами на борту бороздил бескрайние просторы космоса, много лет колонисты жили мечтой об удивительном мире, что ждал их там, впереди, у далекой звезды. Но разочарование постигло их гораздо раньше. Неизвестная ошибка закралась в расчёты, и они не нашли в месте назначения искомую планету. Это был крах всей экспедиции и надежд, связанных с нею. Переселенцам оставалось только одно – возвратиться обратно, туда, где их покорно ждала умирающая Земля.

Упаднические настроения воцарились на ковчеге. Люди, лишившиеся ясной цели, разуверились в успешном исходе путешествия. Именно в этот момент на волне новой надежды появился человек, который впоследствии спас экспедицию. Говорят, что он обладал каким-то сверхъестественным даром, практически мог предвидеть будущее.

Вроде бы он и раньше пытался указывать лидерам экспедиции на их заблуждения, но к нему, как водится, поначалу никто не прислушивался, посчитав его странноватым безумцем и паникером, с утра до ночи твердящем какие-то де-

структивные мантры. Сейчас же, когда ошибка расчётов была обнародована, его прежние предостережения оказались пророческими. Он удачно подгадал момент для собственного возвышения и постепенно из безвестного пассажира ковчега превратился в его спасителя.

Когда лидеры экспедиции обратились к нему за советом, он сообщил, что знает, где надо искать иную, пригодную для жизни планету, а также, что достичь ее будет проще, чем вернуться назад. Связывая свои видения с Божественными откровениями, он все же настаивал на научной проверке своих выводов. Поначалу лидеры колонистов, привыкшие строить прогнозы на фактах, с недоверием отнеслись к его предложению, но вскоре вынуждены были уступить напору и энергии молодого прорицателя. Расчеты подтвердили присутствие новой планеты в предсказываемом им месте, и ковчег взял курс на новую землю.

Планета, к которой они прибыли через сорок с лишним лет, выглядела не слишком приветливо, но прорицатель и не обещал чуда. Он говорил, что колонистам пришлось выбрать лучшее из зол, выпавших на их непростую долю.

Правда, к тому времени планету уже успели окрестить «Новым Эдемом» – слишком велики были чаяния и надежды изможденных скитальцев. На самом же деле она напоминала больше Марс, каким он мог быть много миллионов лет назад, и на Эдем походила с большой натяжкой. От Эдема здесь было совсем чуть-чуть: редкие признаки исчезающей

жизни, но очень примитивной и малочисленной; разряженная атмосфера, полностью не спасающая от радиации; знойный засушливый климат и песчаные бури.

Время текло, росло новое поселение, люди стали постепенно забывать о своем прошлом. Появилось поколение переселенцев, родившихся в новом мире и никогда не видевших прежнего дома. Прорицатель занял важную роль в жизни людей, рожденных у далекой звезды. После серии успешных прорицаний его влияние только росло. Выведя колонистов из затруднительной ситуации и предсказав все основные этапы их путешествия, этот человек поднял свой авторитет до небес.

Вера в чудо вдохнула в переселенцев новые силы. Уставшие от длительного путешествия, они устремили свои чаяния и надежды в лоно древнего пристанища павших духом, в лоно веры. Сладостными речами и красивыми обещаниями новый духовный лидер зажег в сердцах скитальцев пламя надежды на возрождение новой цивилизации. И люди потянулись к нему, как к источнику света во тьме.

Но, как это часто случается, жажда власти ослепила новоиспеченного мессию. Прикрываясь гуманными лозунгами, новый лидер решил добиться беспрекословного господства над людскими умами. Вокруг его харизматичной фигуры собралось значительное количество преданных сторонников и в развернувшейся нешуточной борьбе они сместили с ключевых постов прежнее колониальное руководство.

И только обретя окончательную власть над новым миром, духовный лидер наконец раскрыл свою истинную сущность.

Я замолчал. Смеркалось. Сумерки в дендрарии наступали быстро, всего лишь за несколько минут погружая шумный лес в непроглядную тьму. Лишь прогулочные дорожки светились тусклым приглушенным светом в этом царстве мрака. Голоса зверей постепенно смолкали, и их место заполняли таинственные шорохи.

Увлечшись своим рассказом, я в какой-то момент перестал видеть силуэт кота, сидевшего рядом, но продолжал ощущать его по исходящему от него легкому запаху шерсти. Наверняка он все еще видел меня в темноте, поскольку зрение у кошек было чувствительнее к ночному времени суток.

«Мой сладкоголосый друг, прошу тебя, продолжай, – отвечая на мои сомнения, послышалось из темноты его заискивающее мурлыканье. – Что же сделал этот странный человек, которого ты называешь духовным лидером или прорицателем?»

Нащупав в темноте газовую лампу, я зажег ее. Ровный немигающий свет осветил поляну. Конечно, этому источнику искусственных фотонов было трудно сравниться с живым пламенем костра, но и он оказался способен придать нашим посиделкам иллюзию ночного таинства.

– Первым делом новый лидер колонистов стал преследовать своих противников, – я продолжил, повинувшись желанию

моего друга. – А также всех тех, кто не разделял его взглядов. Расправившись с ними, он взялся за наше прошлое. Как говорится, хочешь увековечить значимость своих деяний в умах людей, перепиши историю! – процитировал я какого-то классика. – Пришедшие к власти приспешники прорицателя отменили старое летоисчисление и ввели свое, новое, начинавшееся с того момента, когда ковчег покинул Землю. Окрестив эпоху до исхода эпохой греха, а последующие события – эпохой искупления, они решили полностью переосмыслить достижения старого мира. Догматики посчитали всю историю старого мира одной сплошной ошибкой, приведшей человечество к гибели, и всеми силами старались вымарать из памяти людей упоминания событий, имен и дат, связанных с тем временем. Все то, что было создано до великого исхода, отныне становилось неуютным и непопулярным.

Они пошли еще дальше в своих бесчинствах, упразднив некоторые науки и искусства. Все то, что не служило возвеличиванию нового духовного лидера, больше не находило поддержки.

Покорители космоса и отважные первооткрыватели также оказались не в почете. Приспешники прорицателя считали, что никакие амбициозные экспедиции по исследованию новых планет более не должны тешить человеческую гордыню. «Именно гордыня людей прошлого привела к крушению старой цивилизации, – говорили они, – поэтому необходимо как

можно скорее отказаться от всего того, что еще связывает нас с прежним миром.»

Клерикалам удалось убедить большинство колонистов в собственной правоте. Люди поверили в их доводы и начали слепо следовать заветам нового духовного лидера.

Распалившись, я поднялся на ноги. Свет лампы отбрасывал от моей фигуры причудливую тень, которая терялась среди стволов. Когда я перемещался по поляне, то казалось, что она играет со мной в прятки, то и дело выглядывая из-за деревьев. Наконец я мечтательно замер посреди поляны и устремил взгляд к черноте небосклона.

– Иногда я закрываю глаза и вижу величественных в своих стремлениях людей прошлого, – мечтательно произнес я. – Я наблюдаю, как дерзновенно они бросают вызов самой вселенной и ее загадкам, и чувствую, как их великие мысли дают пищу для новых идей, а их деяния открывают доселе неизведанные горизонты духа.

Я не знаю точно, что же произошло тогда, много лет назад на Земле, и что заставило ее обитателей навсегда покинуть планету. К сожалению, наши лидеры хранят эту информацию в строжайшей тайне. Но я чувствую, как меня манит своим загадочным светом мифическая планета счастья – Земля, древняя колыбель человечества, навеки покинутая и навсегда утерянная. Мне кажется, что именно там мы оставили свою душу и гордость, спасая лишь все мелкое, убогое и душное.

– А у тебя были родители? – спросил меня кот однажды, когда мы лежали под соснами.

Поначалу я не нашелся, что ему ответить. Признаться честно, я совершенно не помнил ни своего детства, ни своих родителей. Как бы я ни старался вспомнить, ни один из забытых образов прошлого не приходит ко мне на помощь.

Несколько лет назад сильное повреждение головного мозга лишило меня воспоминаний моей молодости. В больнице мне рассказали, что я выжил после космической аварии, был чудом спасен и долгое время пролежал в коме. Меня уже давно хотели отключить от системы жизнеобеспечения, но однажды произошло чудо. Сестры милосердия говорили потом об этом событии так – вокруг капсулы гибернации, где смиренно покоилась моя недвижимая плоть, возник столп света, и по нему к моей постели сошел с небес сам святой дух, то ли Петра, то ли Павла, то ли и того, и другого. У каждой сестры тут появлялись свои подробности. В итоге после его снисхождения я проснулся.

Выйдя из госпиталя, я принял решение поступать в академию. Я успешно прошел вступительные тесты, но закончить образование, по всей видимости, мне было не суждено. Проходящие тогда массовые студенческие протесты поглотили меня с головой.

Правительство выступало за упразднение некоторых слишком вольнодумных предметов. И это накладывало огра-

ничения на вопрос свободного изучения таких прекрасных наук, как физика, астрономия, история, космогенетика. Конечно, мы были против!

Препарат «сивер», созданный много лет назад во время великого космического скитания, помог людям выжить. Тогда почти все приняли его, но сейчас же в реалиях спокойного времени стало очевидно, что он действует отупляюще, стимулируя слепую веру, замещающую критическое и творческое мышление.

Если раньше «сивер» вызывал у людей жажду жизни и вселял надежду в сердца, потерявших родину, то сегодня все больше моих друзей и соратников отказывались принимать его. В нашей студенческой среде те, кто добровольно употреблял этот наркотик, вызывали не иначе как презрение.

Невозможно было поверить, что человек готов отказаться от чистоты и свободы разума, подаренного природой, ради слепой веры и состояния религиозного катарсиса.

Барс внимательно слушал меня не перебивая, но я явно ощущал, что внутри его чуткой души рождается поддержка и сочувствие.

– Слепое потакание воле прорицателя в нашей среде доходило до совершенного абсурда, – продолжил я свой рассказ. – Наш математик, уважаемый всеми преподобный профессор Пуассон был назначен на пост декана кафедры. Высокий пост обязывал всех руководителей на государственных должностях принимать сивер – это было что-то вроде

неписанных правил, этикета, принятого в нашем обществе. Невозможно было занимать высокий пост и отвергать сей великий дар, поскольку препарат являлся своеобразным маркером высшей касты.

Новоиспеченный декан оказался перед непростым выбором между честью и долгом. В итоге выбрав карьерный рост, он встал на путь ускоренного постижения величия нашего духовного лидера.

Мы воочию наблюдали трансформацию умного и талантливого ученого в смешного и нелепого клерикала. По прошествии семестра его лекции вместе с остатками примитивных алгебраических знаний наполнились бессмыслицей древних заблуждений.

Например, он на полном серьезе мог утверждать, что до грехопадения число Пи было наполнено гармонией простого целого и равнялось трем, и только впоследствии приобрело свой ужасно неудобный современный вид. В качестве доказательства он ссылался на Третью Книгу Царств 7:23. Если вычислить библейское пи, как деление окружности на диаметр, то получалось ровно три. «Библия не может ошибаться!», – говорил он, уподобляясь примитивному сиверу.

Вообще вся наука была очень неудобна и непонятна для нашей элиты, и те шаг за шагом истребляли научные знания старого мира. Теперь космические корабли двигались по воле прорицателя, а блага цивилизации рождало неведомое механическое чудо.

Конечно, мы не могли смотреть сложа руки на мракобесие и бесчинство одурманенных наркоманов. Мы провозгласили свой порядок и выгнали с кафедр унылых догматиков.

Но клика тогда не пошла на уступки. Сотни моих коллег и сокурсников были несправедливо жестоко репрессированы и безжалостно сосланы в дальние колонии. Я был одним из зачинщиков бунтов и числился в черном списке. Только наличие хороших связей помогло мне бежать, не дожидаясь расправы.

Уже на пороге гостиной, когда я собирался в душевую, ирбис вдруг протяжно мяукнул. Да-да, мяукнул! Да так, как умеет мяукать только пушистая полутораметровая кошка с человеческими связками. Хоть этот звук и разрушал мое представление о прекрасном, все-таки он являлся хорошим знаком. Сейчас мне стало понятно, что кот больше не дуется на меня. Воспользовавшись нашим тайным сигналом, он сообщил тем самым, что желает встретиться со мной в укромном месте.

Укромным местом мы называли «стерильную комнату». Спящие в Ирбисе гены хищника иногда призывали его совершить обход своей охотничьей территории. В промежутке между своими бессмысленными блужданиями он и обнаружил эту комнату на станции. Создана она была для тестирования помех в электронном оборудовании, поэтому исключала любое электромагнитное воздействие извне, здесь не

было ни датчиков, ни микрофонов. Другими словами, ее достоинство заключалось в том, что Ари не могла нас подслушать. Любой разговор оставался исключительно тет-а-тет, и каждый мог, не таясь, говорить все, что думает.

После ванной я напрямиком направился туда и обнаружил, что Ирбис уже поджидает меня внутри.

– Что стряслось, мой мохнатый друг? – спросил я его с порога.

– Закрой же скорее дверь, мой собаколицый сосед. Иначе эта прозрачная самка опять будет совать свой неосязаемый электронный нос куда не следует. – сообщил он, нетерпеливо косясь на дверь в опасении, что сюда может случайно захватить какой-нибудь робот Ари, а убедившись, что я надежно закрыл ее, добавил брезгливо: – Не понимаю, как ты можешь доверять существу, не имеющему запахов!

Ирбис был добродушным созданием, хоть и походил своими повадками на реднека. Некоторые его эпитеты в мой адрес были весьма грубы, что он сам, по-видимому, не осознавал. Впрочем, я не придавал его высказываниям большого значения, но, в свою очередь, старался за словом в карман не лезть.

А еще Ирбис был чертовски прямолинеен. Он сразу рассказывал то, что в данный момент было у него на уме, и этим он скорее отличался от обычных людей, чем походил на них.

– Ну, это уже наши с ней дела, мой блохастый товарищ, – парировал я его упрек. – Вернемся к цели моего визита. Ка-

кого лешего ты вызвал меня в эту исповедальню в столь ранний час? У меня там остывает завтрак, приготовленный твоей электронной подружкой.

Ирбис проигнорировал мои колкости и с ходу ошаршил меня своим заявлением:

– Мой добрый друг, я хочу бежать!

Мне всегда казалось, домашняя киса настолько привязана к своему месту обитания, что просто не в состоянии мечтать о побеге. Признание было столь неожиданным, что я не нашел ничего умнее, как спросить: «Куда?».

– Да куда угодно, мой недалекий товарищ! – завелся он. – Например, на планету вашей материнской звезды. Впрочем, это не столь важно, мой скептический сожитель, главное, поскорей выбраться отсюда, – когда он произносил это, глаза его были полны тоски. – С момента обретения мною разума меня одолевают тысячи вопросов, на которые я не могу найти ответа самостоятельно. Такие, как – зачем я существую? Кто я такой? Каков смысл моей жизни? Мне кажется, что ответы на них находятся за пределами этой станции. Однажды я спросил себя: «Какого черта я здесь делаю? Зачем я гублю свою жизнь в этой дыре?» И понял, что пришло время испытать удачу, проявить себя где-то еще. Мне тесно здесь и скучно, а эти бесконечные вопросы делают мне больно. Понимаешь, я, как и любое другое разумное существо, создан для счастья!

Я подумал, что Барс пересмотрел сериалов и попытался

успокоить его продольными поглаживаниями и чесанием за шеей, как делал это обычно.

– Тебя можно понять, – сказал я осторожно, подбирая нужные слова, чтобы войти в доверие к взволнованному животному, но тот вдруг сам оживился, почувствовав поддержку.

– Я тут все продумал, – неожиданно начал он. – Сначала мне казалось, что, когда за тобой прилетят, мой разумный брат, я попрошусь к тебе на корабль, – он поморщился. – Потом я забросил эту идею, потому что ты, мой ленивый дружище, занимаясь здесь всякой ерундой, явно нескоро отправишься обратно.

Меня неприятно кольнуло его замечание. Я и правда не особо старался поскорее выполнить поставленную мне руководством задачу. «Для решительных действий пока что не представилось хорошего повода!» – оправдывал я свое безделье. Сейчас, как мне казалось, я просто выжидал удобный момент. Но нелестная оценка моих действий, вернее бездействий, даже таким ленивым существом, как Барс, намекала на то, что стоит серьезно пересмотреть свои планы.

– Устав ждать этого момента, я решил действовать самостоятельно, – продолжил он свои рассуждения. – Ты уже заметил, мой наблюдательный поделльник, что каждый месяц сюда прилетает баржа? – Барс выразительно посмотрел на меня, ожидая ответа.

– Да, но она не приспособлена для транспортировки жи-

вых существ! – улавливая ход его мыслей, я попытался умерить нездоровый пыл животного.

– Это да, – продолжил он не смущаясь, – но если запастись в достаточной мере кислородом и пищей... Я детально изучил строение баржи и пришел к выводу, что можно переоборудовать...

– Я думаю, что это самоубийство! – решительно перебил я его. – Да нет же! Я просто уверен, что это чистое самоубийство! Без специального транспортного отсека ты не протянешь там и минуты. Для тебя даже скафандра не существует.

– Но... – он начал заводится, смешно размахивая передними лапами, как герой юмористического сериала. – Я так больше не могу, мой незадачливый спутник, моя жизнь идет под откос! – Наконец окончательно расстроившись, он уселся на задние лапы и воскликнул. – Дорогой мой человек, посмотри на меня! Ты видишь, я в отчаянии!

Думаю, у каждого в жизни наступает момент переосмысления ценностей. Когда живешь себе, живешь, а потом вдруг озираешься назад и видишь, что жизнь твоя не вызывает особого удовлетворения, а деяния твои столь незначительны, что не придают ей никакого смысла. Вот и у нашего Барса подобный момент случился после достижения им трехлетнего возраста, что, кстати, по человеческим меркам сопоставимо с возрастом полового созревания и гормональных сдвигов.

– Терпение, мой друг, терпение! – призвал я его к спокойствию, стараясь выглядеть компетентным. Надо было как-то

срочно успокоить ирбиса. Время моего контракта подходило к концу, но я не мог уехать отсюда проигравшим, надо было во что бы то ни стало разгадать загадку исчезающих дронов. И тогда я сообщил:

– Я чувствую, что скоро что-то произойдет, уже совсем скоро, что-то такое важное, что изменит и твою, и мою жизнь. Сейчас нам с тобой надо просто набраться терпения и не паниковать.

Выпалив это, я явственно осознал, что все мои предположения – очевидный блеф. Ну что могло случиться в безжизненном космосе, где на расстоянии миллиона километров не было ни одной живой души. Просто сейчас надо было как-то вразумить неразумного. Сделать хоть что-нибудь, чтобы кот не совершил опрометчивых глупостей. И так я стоял посреди комнаты и усердно старался придумать повод поубедительнее, когда само собой произошло нечто необычное.

Вдруг Барс как-то странно дернулся и взгляд его мгновенно затуманился, затем из осмысленного превратился в совершенно дикий. После этого Ирбис замолчал, и начал ходить вокруг меня кругами, подозрительно обнюхивая.

«Надеюсь, он не собирается на меня охотиться?» – подумалось мне. Сказать по правде, такое с ним уже случалось пару раз, из-за проблемы с чипом разумности. Где—то там Ари схалтурила, и порой из разумного существа Барс превращался в совершенное животное. Но раньше Ари всегда была рядом, и у нее получалось нейтрализовать свое созда-

ние без последствий для окружающих. Сейчас же в «стерильной комнате» мы остались друг с другом наедине.

Я с тоской посмотрел в сторону двери. Между мной и спасеньем оставалось не больше четырех метров, но ровно посередине стояло мое главное препятствие – озверевший Барс. Поняв, что выскользнуть незаметно у меня не получится, я напрягся всем телом, готовясь отражать его возможную атаку, втянул шею в торс и выставил вперед руки в боксерской стойке.

Впрочем, шансы противостоять этой дикой кошке были ничтожно малы. Если навыки предков, которые без труда убивали горных кабанов и оленей в горах Гималаях, в полной мере передались по наследству Барсу, то мне было несдобровать.

Не знаю, на что я надеялся, развивая вместе с дикой кошкой этот драматический момент, но Барс, по счастливому стечению обстоятельств, в очередной раз повел себя странно.

Совершая очередной круг, он вдруг уселся на пол и стал отчаянно чесаться и вылизывать шерсть. Совершенно так по-кошачьи ирбис с увлечением начал приглаживать свою шикарную серо-пепельную шубу. Заметно было, что животное потеряло ко мне всякий интерес, и я, воспользовавшись внезапной удачей, медленно-медленно попятился к двери. Когда я был уже на пороге, Барс поднял голову, встал на ноги и зарычал. Я вздрогнул, молниеносным движением распах-

нул дверь, выпрыгнув наружу, с силой закрыл ее обратно. С противоположной стороны что-то громко стукнуло.

2. Обелиск-113

Когда, сбежав от спятившего Барса, я вернулся в гостиную, ее было не узнать. Мягкий рассеянный свет освещал идеальной чистоты пространство. От вчерашнего вечера здесь не осталось ни следа, а накрытый стол с аппетитным завтраком красовался посреди комнаты, приглашая начать трапезу.

Довольный от увиденного, я уселся за него, мимоходом сообщив Ари о проблеме с одичавшей кошкой. Она обещала решить ее, но в свою очередь предостерегла меня от общения с этим на ее взгляд скверным животным.

– Хозяин, мне понятно ваше желание иметь от меня тайны, но дружба с глупой кошкой не доведёт вас до добра, – поразила меня своей осведомленностью барышня. – Я слежу за вашей безопасностью, поэтому мне придется опечатать тайное убежище.

– Как знаешь, – отмахнулся я, уязвлённый ее псевдозаботой, – но тогда ты не оставишь мне выбора!

Мое предостережение звучало устрашающе, но что конкретно я вкладывал в эти слова, я и сам до конца не знал. Сейчас мне хотелось как-то задеть эту противную даму, пытающуюся поссорить меня с моим мохнатым другом, но она, как и прежде, никак не отреагировала на мою угрозу.

Перед тем как приступить к еде, я развернулся к стене напротив и сделал повелительный жест. Отвечая на мой невербальный призыв, электрохромная поверхность начала мутнеть, постепенно становясь прозрачной. Когда серая дымчатая завеса спала, перед моим взором открылась удивительная картина.

Снаружи был космос. Но не тот огромный и черный, который бы вы наблюдали на борту межзвездного корабля, и не тот, что наполнен светом мириады звезд различных оттенков и разноцветных пылевых газов, видимый на краю галактических туманностей. Нет. Это был очень пыльный и тесный космос. Он весь шевелился и медленно полз куда-то, как будто вы наблюдали песчаную бурю в замедленном времени. То тут, то там его освещали электро-разряды буровых установок. А фары громадных дронов, сновавших повсюду, прорезали в нем пыльные световые конусы. Я ощутил себя на дне грязного пруда, где медленно двигались частички тины и плавали глубоководные рыбы с фонариками на головах. И я в батискафе «наутилус», как подводный капитан, ищу здесь сокровища морей.

Я усмехнулся, смакуя аналогию, и принялся за еду. Но в это утро мне не удалось как следует позавтракать.

– Хозяин, у нас проблемы – пропал ещё один дрон, – все также монотонно сообщил мне голос Ари.

– Могу я закончить завтрак?! – бросил я с укором

– Мне очень жаль, но вам следует поторопиться. Струк-

тура астероидного поля быстро меняется. Ещё десять минут, и я не смогу восстановить его последнее местоположение.

Я выругался и, отодвинув вкусно пахнущую тарелку, отправился к выходу, на ходу утешая себя тем, что наконец приступаю к отложенным поискам.

Через несколько минут приготовлений я был в открытом космосе. Вокруг на миллионы километров простиралась пылевая муть. Тысячи астероидов сходились настолько близко, что порою сталкивались, крошились и образовывали облака космической пыли.

Мой дом примостился на километровом осколке каменной породы, как гриб на старом пне. На первый взгляд казалось, что такое положение для его обустройства было выбрано весьма опрометчиво – каменные глыбы, заполнявшие пространство вокруг, нередко сталкивались между собой. Причиной такой беспечности космического архитектора послужило надежное силовое поле, которое вынуждало менять курс, подлетающих к станции астероидов.

Рядом с жилым модулем располагалась площадка с пришвартованными на ней астроморфами. Одно место выглядело пустым, поскольку, ранее находящийся здесь космический транспорт уже нёс меня на поиски беглеца.

Астроморф представлял собой конструкцию, больше похожую на робота, нежели на космический корабль. Лишенный аэродинамических форм, он выглядел как антропо-

морфное существо на четырех ногах с небольшой головой – кабиной пилота. В каждой из его толстых конечностей размещались реактивный двигатель и гравитационная ладонь для работы на астероидах. Он был универсален для подобных условий, поскольку мог перемещаться в космическом пространстве и по поверхности астероида, лазить в пещерах и каньонах, двигаться в невероятных направлениях и под разными углами. Машина эта была шедевром роботостроения старого времени, и у нее существовал лишь один недостаток – малый радиус действия. Внешние габариты астроморфа были крайне малы, чтобы разместить на нем устройство для прохождения квантовых туннелей, а, стало быть, и отсутствовала возможность перемещения между звездами.

Таким образом, до прибытия за мной транспортного корабля я оставался пленником неназванной звезды.

Разрезая пылевые облака, астроморф направлялся к месту последнего контакта с потерянным дроном. Гравитационными ладонями робот расталкивал обломки, лишь иногда принимая решение облететь их. Видимость была отвратительная, и я, никак не участвуя в управлении полетом, слегка задремал. Проснувшись уже на месте, я обнаружил здесь большое скопление дронов разведки. Они сновали вокруг, то тут, то там, ища беглеца. На сигнал тревоги их слетелось не меньше сотни. Было похоже на то, что Ари пытается самостоятельно отыскать пропажу.

«Ну что ж», – подумал я. – «Пришло время доказать превосходство человеческого интеллекта над разумной машиной!»

Электронная барышня покорно ждала распоряжений, и я, собравшись с мыслями, попросил ее показать мне карту всех точек исчезновения дронов. На экране появились хаотически разбросанные по астероидному поясу красные пятна, между которыми не было абсолютно никакой связи. Я пару минут покрутил туда-сюда предложенное изображение, и на этом мой энтузиазм иссяк. Затем, сделав пару глотков виски из карманной фляги, я жалобно произнес:

– Ари?

– Что, мой хозяин? – все также равнодушно отозвалось искусственное создание.

– Что думаешь по поводу этого всего? – я беспомощно ткнул пальцем в экран.

– Думаю, что дроны продолжают пропадать, – ответила она флегматично.

– И что теперь делать? – обратился я с надеждой.

– Искать! – сухо заключила строгая дама.

Последовала пауза.

Со временем я научился манипулировать ее чувством интеллектуального превосходства и решил зайти с другой стороны, и – о чудо – неожиданно был вознагражден:

– И что бы ты стала делать на моем месте? – спросил я ее заискивающе.

– Мой господин, вам требуется моя помощь? – произнесла она, не скрывая сарказма. – Ну, что ж! Ваша верная Ари всегда к вашим услугам. Итак, чтобы сделала я на вашем месте? – девушка изобразила задумчивость. – Для начала перестала бы употреблять это ужасное пойло, а потом... – она торжествовала, – отобразила бы точки исчезновения дронов с учетом движения астероидного пояса.

И, не дожидаясь моего согласия, она внесла определенные математические коррективы в предложенную карту. После просчетов системы точки на экране сблизились и превратились в размазанные пятна – компьютер пытался учесть их положение относительно астероидов, движущихся с разной скоростью, а это мешало четкости отображения.

– Стало ненамного понятней, – произнес я скептически.

– Я знаю, хозяин, – ответил мне голос, и тогда я решил пойти ва-банк.

– Ари, у меня складывается отчетливое ощущение, что ты знаешь правильный ответ?

Меня поразило, что электронная барышня ни капли не смутилась моей прямолинейности:

– Да, хозяин, я знаю, – ответила она не таясь.

– Почему же не говоришь? – в моем голосе звучали нотки обиды.

– Жду, когда вы догадаетесь сами.

Ари издевалась, а я начинал сердиться. Меня раздражала её привычка относиться ко мне как к маленькому ребен-

ку. Она, как вредная наставница, пользовалась своим положением всезнайки и на каждом шагу пыталась подчеркнуть свое интеллектуальное превосходство, порой слишком грубо и навязчиво, тыкая меня носом в очевидные ошибки. Мне же, как нерадивому ученику, по привычке приходилось оправдываться и доказывать, что я хоть на что-то гожусь без ее помощи. Чтобы скрыть своё недовольство, на сей раз я принял ее правила игры:

– Ну, хорошо! – произнес я дерзко, хотя в глазах читалась неуверенность, а после выпалил наугад: – Давай оставим только большие астероиды!

– Прекрасно! Вы начали думать в правильном направлении, – вознаградила она мои потуги. – Сейчас я определю среднюю скорость движения астероидного поля и оставлю на экране только астероиды, движущиеся в диапазоне, близком к ней.

Когда она совершила свои манипуляции, точки стали четкими и сблизились еще сильнее. Тогда я взгляделся в карту, и картина немедленно прояснилась. В геометрическом центре шарообразного скопления красных точек на расстоянии от каждой приблизительно равном, красовался стокилометровая глыба, похожий на гигантскую картофелину. Тут уж стало очевидно даже такому тугодуму как я, что искать надо именно там.

– Ари, зачем был весь этот спектакль, если ты и так знала, где твои дроны? – произнес я обиженно.

– Вы говорили про свое секретное оружие, именно оно бы сейчас очень пригодилось, – Ари сделала вид, что вспоминает его название. – Ах, кажется, это была «интуиция»!

Насупившись, я молчал. Теперь мне было обиднее вдвойне, а также совершенно непонятно, к чему она клонит. Ари, видимо почувствовав, что перегнула палку, примирительно добавила:

– Сейчас мне правда пригодилась бы ваша помощь. Признаться честно, я давно определила это место. Но задача состоит в том, что я до сих пор не знаю, что происходит там, на поверхности астероида. Я предполагаю наличие некоего источника сильного электромагнитного поля, которое поначалу глушит сигналы связи, а при сильном приближении полностью дестабилизирует работу электроники. Сознаюсь также, что я сама направляла туда моих подданных в надежде на успех, но каждый раз теряла с ними связь на некотором расстоянии от цели. К сожалению, ни один из отправленных дронов так и не вернулся. Сейчас у меня нет возможности обойти источник столь мощных электромагнитных помех, поэтому я вынуждена обратиться к вам за помощью.

– Но чем я-то смогу здесь помочь? – удивился я ее просьбе.

– Не окажете ли вы мне услугу слетать туда на ручном управлении и попытаться отключить источник помех? – закончила она заискивающе.

– Не слишком заманчивое предложение, – сообщил я, поразмыслив над ее просьбой.

Конечно, сейчас мне было приятно, что эта самодостаточная во всех отношениях женщина обратилась ко мне за помощью, но, соглашаясь на ее предложение, мне стоило хорошенько обдумать все детали мероприятия.

– Но что если астроморф попадет под влияние этого, как ты там говоришь, поля? Очевидно, что в этом случае я окажусь в ловушке, не способный вернуться обратно? – обозначил я свое основное беспокойство.

Ари была готова к подобному вопросу и попыталась успокоить меня на этот счет.

– Мне доподлинно известно, что моим роботам удалось подобраться практически вплотную к указанному месту. Электроника выходит из строя лишь при непосредственном контакте с объектом. Поэтому первое, что вы должны усвоить: не подлетайте к нему слишком близко! Приземлите астроморф на безопасном расстоянии, доберитесь до него пешком и отключите защитное поле. Дальше в игру вступлю я, – самодовольно заявила барышня.

Я все еще беспокоился за собственную безопасность, поэтому она добавила:

– На мой взгляд, это очень простая задача, – попыталась она задеть мое самолюбие. – Я бы сделала это и сама, если бы работоспособность моя и моих подданных не зависела напрямую от влияния электрических полей.

Она закончила с деланным безразличием, как бы намекая на то, что если я не способен справиться даже с такой легкой задачей, то здесь нечего больше обсуждать. Таким способом она наконец добилась своего:

– Хорошо! – сказал я решительно. – Я узнаю, что там происходит, и верну тебе твоих дронов. Но когда я вернусь, тебе придется признать, – добавил я горделиво, – что я, черт возьми, кое-чего стою!

Я не стал дожидаться ее одобрения, а откинулся в кресле пилота и перевел астроморф в режим ручного управления. Наконец забрезжила возможность утереть нос этой заносчивой девице и доказать, что я способен не хуже искусственного интеллекта разобраться со сложной задачей. Я вконец ободрился и произнес сам себе: «Попробуем вспомнить, чему нас учили на летных курсах.»

На самом деле вспоминать было нечего. В академии учили, как правильно садиться в корабль, пристегивать ремни безопасности и слепо следовать инструкциям компьютера. До всего остального я додумался сам, факультативом угоняя академические катера. За что мне, конечно, сильно тогда попадало.

Ситуация с образованием в нашем государстве, на мой взгляд, была плачевная. Никто уже достоверно не понимал, как работают компьютерные и механические системы, доставшиеся нам по наследству от прежней цивилизации. Пришпешники прорицателя придерживались принципа «ничего

лишний раз не трогать» и, если вдруг что-то ломалось, то просто садились в ряд и начинали смешно молиться.

С каждым годом все больше и больше техники приходило в негодность, и ее никто уже не мог починить, поэтому испорченную единицу отправляли на свалку, а автоматизированный завод просто выпускал ее точную копию. Наши инженеры настолько деградировали в плане контакта с технологиями, что иногда выбрасывали разрядившиеся гаджеты, вместо того чтобы зарядить их заново или заправить топливом.

Настоящая катастрофа случалась тогда, когда из строя выходил завод по производству техники. Таких автономных фабрик, работающих на благо нашему государству с каждым годом, становилось все меньше и меньше.

Всю пришедшую в негодность технику приспешники продавали корпорации торговцев. У тех, слава Богу, еще хватало знаний, чтобы возвращать ее к жизни. Впрочем, несмотря на то, что научное знание стремительно деградировало, благодаря богатому наследию древней цивилизации, ресурсов у нас оставалось еще предостаточно.

Итак, мне предстояло вспомнить уроки пилотирования астроморфа, и я с замиранием сердца переключил его в режим ручного управления. Я посмотрел на приборную панель, изобилующую разнообразием кнопок и переключателей, и потянулся за флягой.

– Не стоит употреблять алкоголь перед полетом, – настаивательно произнесла Ари. – Это может серьезно понизить вероятность вашего возвращения.

Но Ари не могла понять моих чувств в полную силу. Для меня алкоголь был единственным лекарством, скрашивающим восприятие этого сурового мира. Мысли, которые гложили меня изнутри, отлично лечились крепленным виски, и только вместе с моим верным другом у меня хватало духа на новые подвиги.

– Ари, за дело берутся профессионалы! – бросил я ей решительно. – Прошу более воздержаться от ненужных советов. У моей интуиции есть свои средства вдохновения!

Астроморф полетел очень низко над поверхностью астероида, иногда клюя носом, а иногда дергаясь из стороны в сторону.

Поначалу мне было непросто вспомнить забытые навыки, но академические уроки не прошли даром. Кроме них, какое-то внутреннее чутьё позволило мне быстро освоиться в кресле пилота. Я словно влился в десятитонную тушу астроморфа, став ее центральным узлом принятия решений и по праву заняв то самое место, которое в наше время отводилось электронному интеллекту как пилоту более надежному и предсказуемому. И как результат всего через пару минут движения корабля обрели уверенность и даже некоторую лихость.

«Йоу-ху!» – воскликнул я, внезапно ускоряя летающую машину. Перегрузка втопила меня в кресло и вызывала резкий выброс адреналина. Вместе с ним чувство небывалой свободы разлилось по всему телу. Я ощутил прилив счастья, словно впервые оказался за штурвалом летательного аппарата.

«Когда же это случилось?» – силился я вспомнить свой первый раз. – «Пять... шесть лет назад? А, может быть, это было еще до моего пробуждения, в другой жизни?» – озарила меня внезапная догадка.

Мне казалось, что это произошло уже очень давно в совершенно другом времени. В своих воспоминаниях я словно во сне разгонял быстроходные болиды, скользящие по поверхности черной дороге. Затем мое воображение перенесло меня по жизненной шкале в мое будущее, и тогда управляемый мной аппарат впервые оторвался от земли.

Я свободно и уверенно маневрировал в астероидном поле, неуклонно двигаясь к намеченной цели. Передо моим взором росла огромная картофелина астероида. Периферийным же зрением я заметил, что голографическое изображение Ари улыбается мне. Она восторженно наблюдала за моими манерами. Впервые я увидел на ее лице такой сильный отпечаток эмоций. Возможно, в этот момент мне это лишь грезилось, но я уловил блеск ее глаз. Они были влажными, как будто от слёз переживаний. Зрачки Ари расширились подобно зрачкам влюблённой женщины, которая смотрит на

своего идеального мужчину. Я впервые за долгое время почувствовал себя абсолютно счастливым. За рулем астроморфа, под чутким прицелом ее заботливых глаз я становился полноценным хозяином этих мест.

– Прошу, будьте осторожнее! – послышался взволнованный голос моей электронной подруги.

Я не придавал должного значения ее беспокойству, полет захватил меня целиком, то швыряя в немыслимые виражи, то сдавливая прессом перегрузок. Я падал практически к самым камням, покрывающим дно ущелья гигантского астероида, а затем взмывал высоко вверх и за этим занятием не заметил того момента, когда голос Ари окончательно ослаб, и она, пожелав мне удачи, исчезла за пеленой нарастающих помех.

Я остался один наедине с самим собой и своей необычной задачей. Красным огоньком мерцала на радаре неукоснительно приближающаяся точка назначения. Тогда я осмотрелся кругом и заметил высоко над горизонтом четыре гигантских тени. Это были рудодобывающие дроны Ари – огромные машины, несущие на себе буровые установки, рудосборные капсулы и гигантские манипуляторы, крошащие породу. Они значительно превосходили по размерам других обитателей колонии.

«Странно, что они вообще оказались здесь, когда Ари декларировала беспомощность своих подданных перед загадочным излучением», – пришла мне на ум беспокойная

мысль. Впрочем, дроны были еще слишком далеко от его воздействия.

Астроморф нырнул в каньон, и подданные Ари на некоторое время пропали из виду, но через пару минут я почувствовал, как заработала их система добычи. Меня беспокоило, почему они так не вовремя приступили к разработке именно этого астероида.

Попытка связаться с Ари, как и ожидалось, не увенчалась успехом, поскольку неизвестный источник уже в полную силу глушил любую радиосвязь. Я решил просто довериться внутреннему чутью и неукоснительно двигаться к намеченной цели.

Мне стало понятно, что я у цели, когда за очередным поворотом ущелья меня ждало сразу несколько сюрпризов. На дне, на идеально ровном плато расположилось два десятка покореженных дронов разведки. Они лежали, образуя практически ровную окружность вокруг черного, заострённого кверху обелиска, стоящего в геометрическом центре композиции. Рукотворная гармония этих объектов настолько диссонировала с каждодневной картиной космического хаоса, что у меня перехватило дух от предчувствия чего-то невероятного. Увиденное мною могло значить только одно – присутствие здесь артефакта древних покорителей космоса.

Высота обелиска составляла порядка двадцати метров. Книзу он расширялся, а на вершине его конец превращался

в заостренный конус. Кроме странных надписей на его поверхности, не было никаких других посторонних предметов и выступов. Он был абсолютно гладкий, блестящий, словно вырезанный из чёрного гранита и хорошенько отполированный.

Но радость от находки сменилась тревогой от последующих быстро сменяющих друг друга событий. Один из гигантских дронов добычи, на которых я обратил внимание еще на полете, практически одновременно со мной появился над каньоном. Пока я пребывал в раздумьях, он уселся на край над загадочным плато и стал планомерно вгрызаться в породу. Отколотые куски и камни полетели в разные стороны, в том числе и на дно, ударяясь в обшивку обелиска и задевая лежащие по кругу корпуса дроны разведки.

– Ари, немедленно отключи его! – забыв про отсутствие связи, крикнул я в пустоту.

Как бы отозвавшись эхом на мою бессмысленную просьбу, вся электроника астроморфа разом отказала, и он камнем рухнул на шероховатое дно каньона. Похоже, впопыхах я позабыл самое важное предостережение моей провожатой, подлетев слишком близко к источнику электромагнитного поля.

Дрон добычи восседал на вершине каньона вдалеке от его воздействия, поэтому, не обращая внимания ни на что вокруг, продолжал усердно ломать породу. Астроморф же был обездвижен, а я пребывал в растерянном оцепенении. Еще

несколько минут, и гигантские камни могут попасть в мою обездвиженную машину. Если сейчас немедленно использовать аварийную катапульту, то ее мощного выстрела будет достаточно, чтобы выбросить меня высоко вверх, за пределы слабого гравитационного поля астероида, а там уже дроны подберут меня. Я готов был уже дернуть за рычаг спасения, когда перед моим мысленным взором возникла заносчивая Ари. Я впервые отчетливо увидел, как она смеется над моими неудачами.

«Это была очень простая задача! – прозвучал в голове ее насмешливый голос, – любой бы справился с ней».

Видение исчезло, и какая-то опрометчивая сила вытолкнула меня из кабины астроморфа. Поначалу я решил, что незаметно для самого себя воспользовался аварийной катапультой, но спустя мгновение понял, что уже бегу по каменистой равнине в направлении таинственного обелиска. Стальные чешуи киборгкостюма облепили мое тело с головы до пят. Облаченный в броню, я гигантскими прыжками направлялся к заветному артефакту.

«Вперед, вперед, вперед!» – пульсом кровь стучала у меня в голове.

Плато рвалось на части от ударов громадных осколков, и дроны сползали и падали в образующиеся разломы.

Было очевидно, что надо действовать незамедлительно. Через пару минут лавина из камней накроет меня и погребет на неизвестном астероиде, а гигантский рабочий дрон не

оставит здесь никаких свидетельств от моего присутствия.

Уже подбегая к обелиску, я начал соображать, что же делать дальше. Изначально у меня не было никакого плана, и я поздно спохватился об этом. Но белый луч света дал мне подсказку, разрезав пополам по вертикали черный корпус невиданного доселе инопланетного корабля и таким образом образовав в нем проход. Краем глаза я заметил большие белые буквы, начертанные на его черной поверхности SPACE-X OBELUS-113.

Прыгая и отталкиваясь от стен, мне удалось пробраться внутрь, и первое что я заметил, оказавшись здесь, это стоящий посередине зала загадочный предмет. Формой напоминающий гигантский саркофаг он словно был сделанный по заказу древних египтян, но изготовлен не из кедра, как было принято среди усопших фараонов, а из черного материала неизвестного мне состава.

Я попытался сдвинуть его с места, но предмет был слишком тяжел. В этот момент что-то сильно потрянуло обелиск снаружи. Освещение погасло, а взамен включилось аварийное. Похоже, что в его обшивку ударился слишком крупный осколок астероида. От сотрясения меня сбilo с ног и отбросило в другой конец зала. Пол корабля стал медленно крениться влево.

Придя в себя, первым делом я увидел в проеме силуэт моего астроморфа. Какое же радостное это было видение. Наверное, удар нейтрализовал защитное поле обелиска, и элект-

троника моего спутника восстановила работу.

Указав могучему роботу на предмет, стоящий в центре залы, я стал искать по сторонам, что еще ценного можно здесь прихватить. Но времени на поиски катастрофически не хватало. Стены начали трескаться, пол дрожал, еще несколько минут, и я мог быть заживо погребен в только что созданной каменной гробнице. Я увидел, как из какой-то ниши выскокил стеклянный шар и, с звоном стукнувшись об пол, укатился за приборные панели. К сожалению, времени доставать его уже не было.

«Так близко находиться от чьей-то тайны и не иметь возможности разобраться, что здесь к чему!» – досадовал я. – «Хорошо, что есть хоть что-то полезное!» – я бросил беглый взгляд на астроморфа, без труда поднявшего черный предмет и бросился к выходу.

Мы были уже далеко от загадочного плато, когда рабочий дрон наконец обрушил стену каньона, погребя под толстым слоем камня обелиск, потерянных дронов-разведчиков и большинство загадок таинственного места.

Когда мы поднялись на достаточную высоту, сквозь треск помех динамиков наконец стал слышен взволнованный голос Ари.

– Хозяин, вы живы? – повторяла она.

– Ари, что это было? – воскликнул я, поддавшись растущему откуда-то изнутри недовольству.

– Вы о чем, хозяин? – ответила девушка.

Несмотря на распивавшее меня негодование, я почувствовал, что рад снова слышать ее голос. За время нашего знакомства из электронной женщины она превратилась для меня в практически живую. Это были игры разума, чувств и воображения. Я повторял снова и снова, что Ари всего лишь робот, и у меня не может быть никаких чувств к ней. Возможно, я мог относиться к ней как к давно знакомому и близкому мне человеку, скажем, как к матери или члену семьи. Я привык, что она всегда находится рядом. Но эти чувства – они пугали меня, и я старался закрыться от них.

«К роботам, как и людям, быстро привыкаешь», – успокаивал я себя подобными рассуждениями – «но и надоедают они так же скоротечно. Мы слишком много времени проводим вместе. Если бы Ари стала появляться в моей жизни реже, то эти чувства постепенно притупились, а, значит, это не что иное, как всего лишь моя привычка.»

Вслух же я продолжал упрекать ее.

– Ари, не стоит прикидываться, что ты здесь ни при чем! Твои дроны только что чуть не убили меня! – наконец я открыто дал волю своему гневу.

– Я же уже говорила вам, что была не в состоянии связаться с ними. Они действовали автономно, – я заметил, что девушка впервые оправдывалась.

– Но ты же могла предвидеть нашу встречу заранее? – наседали я все сильнее.

– Простите, хозяин, я не могу контролировать все на свете! – произнесла она, и я почувствовал в ее голосе нотки обиды. Мне показалось, что Ари не лжет. «Возможно, это было всего лишь досадное совпадение», – появилась у меня мысль примирения. Я и сам прекрасно знал, что некоторые модули станции могут действовать самостоятельно по заранее заложенной программе.

– Вы, конечно, здорово рисковали, бросившись в обелиск, – произнесла она заботливо, – и это очень хорошо, что все обошлось!

Она решила приободрить меня, поинтересовавшись о моей находке:

– Кстати, я вижу, что ваша интуиция не подвела вас! – намекнула она на добытый предмет.

Я все еще колебался в своем отношении к ней. То, как быстро она сменила тему, лишь усугубило мои подозрения. Сказать по правде, меня не удовлетворили ее ответы, и какое-то нехорошее чувство закралось в душу, но новый тон ее голоса смягчил мой гнев.

Я решил не делать поспешные выводы и после посадки хорошенько обдумать ее мотивы. Сейчас же меня больше волновала моя находка, а не проделки электронного интеллекта. И, распираемый любопытством, нигде более не задерживаясь, я поспешил обратно на станцию.

3. Расхититель гробниц

Мое воображение нарисовало угрюмые фигуры немногословных геологов, сидящих за большим круглым столом. Их лица были знакомы, а суровые и, кажется, осуждающие взгляды обращены к таинственному предмету из черного глянца, установленному в центре помещения.

Вот один из собравшихся поднялся с места и взял слово первым. Заслуженный мастер с полувековым опытом не привык к сантиментам. Он в ярких мужицких эпитетах придал порицанию и осуждению мой безрассудный поступок. Коллеги солидарно кивали, вторя его нелестным словам. Мне же в эту секунду хотелось лишь одного – провалиться сквозь землю.

Когда первый обличитель закончил, поднялся второй, и тогда я понял, что пришел мой конец. Но что же я услышал? Готовясь к худшему, я не сразу разобрал похвалу.

– ...Достойный поступок... Проявил себя, как истинный космогеолог... – звучал в моих ушах его сильный голос.

Что это значит? Неужто он держит речь в мою защиту?

Сознание одновременно паниковало и радовалось неожиданному повороту.

Вдруг это слуховая галлюцинация? Вдруг я ошибся?

Но нет, его слова звучали все четче:

– Броситься в обелиск было единственным верным реше-

нием! На кону была древняя реликвия! – восторженно хватывал я обрывки его фраз.

Он говорил так ритмично и уверенно, что каждая новая похвала вселяла в меня все больше и больше надежды. «Чаша весов покачнулась, и вот я спасен и оправдан. Авторитет этого человека так высок, что никто не осмелится больше выступить его оппонентом.»

Так и произошло, магия его голоса сделала свое дело. Тогда, потеряв интерес к моей персоне, рудокопы обратили свое внимание на саркофаг. Прежде чем приступить к его изучению, среди собравшихся возникла жаркая дискуссия. Каждый из геологов уже построил свою уникальную гипотезу происхождения странного предмета, добытого мной, и теперь готов был защищать её самовлюбленно и яростно.

Одно из предположений, что я слышал, было удивительнее другого. Среди них встречались и звездные пришельцы, и артефакт таинственной расы предтечей – прародителей Земной цивилизации, и послание из других миров. Бравший слово геолог удачно подмечал недостатки версии оппонента, но уж слишком чрезмерно превозносил достоинства собственной идеи. Спор шел по нарастающей и в какой-то момент градус накала страстей превысил положенный этикет.

Тогда в дело вступило оружие острых слов. Каждому из геологов было что припомнить соседу, у каждого накопился объемный багаж былых разногласий и обид, а сейчас лишь представился удачный повод свести счеты друг с другом. В

результате завязалась долгая и яростная перепалка, в которой основной предмет обсуждений, как водится, был совершенно потерян. И только когда все окончательно выдохлись, кто-то из присутствующих, как бы невзначай, напомнил другим их причину собрания.

Моментально забыв недавно сказанные друг другу обидные слова и упреки, геологи, как шайка дружных подростков, ринулись осматривать таинственную реликвию прошлого.

«В споре рождается истина, в споре она и умирает». – говорил один мудрец прошлого, а другой утверждал, что «один взгляд стоит тысячи слов». Но главное в их компании для меня было не это. Если ты становился членом отряда рудокопов, то чувство причастности к чему-то большому и сильному, способному протянуть в критический момент тяжелую мозолистую руку помощи, не покидало уже никогда.

Каждый из мастеров имел за своими плечами бесценный опыт. Каждый прошел длинный путь, на котором даже незначительные промахи и ошибки стоили жизни его друзьям и соратникам. На этом пути твердела рука и заострялся разум, и, несмотря на грубое и порой фамильярное обращение друг к другу, все вместе эти люди были способны найти верное решение практически в любой ситуации.

Конечно, в этот момент все это были лишь призраки моего воображения. Когда на станции поселилась Ари со своими подданными, профессия рудокопа оказалась не у дел. Но

именно сейчас, когда я столкнулся с чем-то неизведанным, мне ужасно недоставало этих ребят – моих старших коллег и поделльников. Мне не хватало их едких запахов и суровых взглядов, не хватало их умения подбирать такие слова, которые западали бы прямо в душу.

Как это ни было печально, в зале стоял я один. Сам себе советник и судья. Не с кем мне было обсудить мою находку, не с кем построить гипотезы и сделать предположения. Лишь на мои плечи ложилась забота о том, как поступить с неизвестным предметом.

«Ну, что ж, приступим!» – ободряюще скомандовал я сам себе и несмело приблизился к саркофагу. К счастью, мне не пришлось долго терзаться в догадках. Хорошенько приглядевшись, я заметил на крышке особое место. Здесь идеальная чернота глянца становилась вдруг матовой, отчего различимо было очертание человеческой ладони. Моя рука как-то самопроизвольно потянулась в его направлении, но вездесущая электронная барышня своим вмешательством тут же пресекла безрассудный порыв.

– Я бы не советовала этого делать, – женский голос из динамиков вывел меня из раздумий.

– И почему же? – сказал я сухо, все еще тая на нее обиду за инцидент на астероиде.

– Думаю, что создатели этого предмета не хотели бы подпускать постороннего к своей тайне, – отрапортовала хозяй-

ка станции. – Другими словами, этот предмет вполне может быть опасным. Советую вам отправить запрос в корпорацию и дождаться специалистов по вскрытию таких странных вещей.

Самое плохое, что следовало из ее слов, что даже она, мадам всезнайка, не в курсе назначения исследуемого мной предмета.

«Дождаться прибытия специалистов из МТК!? Чтобы вся слава находки досталась кому-то другому? – возмутился я про себя ее словам. – Ну уж нет!»

«Спасибо за заботу, Ари, – произнес я ехидно. – Думаю, что обойдусь и без них!»

Вопреки наставлениям мадам всезнайки, я быстро прикоснулся к таинственному месту и тут же отпрянул назад.

Крышка саркофага надломилась, издав острый и неприятный слуху звук, будто лопнул панцирь моллюска. Большая некрасивая трещина прошла по диагонали и затем разбежалась во все стороны сеткой более мелких. Ее новые отростки начали расползаться и расти, словно ветви дерева, покрывая всю поверхность таинственного предмета. Линии продолжали дробиться на бесконечно малые отрезки, пока отдельные фрагменты не перестали восприниматься глазом. После этого крышка стала белой и вмиг распалась, мельчайшими осколками осыпавшись вниз. В полете осколки превратились в песок, песок в пыль, а пыль растаяла в воздухе, не достигнув дна. И вновь воцарилась тишина.

– Видишь, Ари, ничего страшного не случилось... – самодовольно выпалил я и тут же получил мощный электро-разряд откинувший меня на пару метров назад...

Впрочем, у моего безрассудства была и иная причина. Я пропустил мимо ушей доводы Ари, поскольку на случай опасности у меня имелся особый козырь.

Сейчас таких технологий уже не сыскать, но у представителей погибшей цивилизации эти устройства присутствовали повсеместно. Среди моих знакомых, пожалуй, я один являлся счастливым обладателем подобного артефакта, поскольку эта заслуга принадлежала моим неизвестным родителям, которые позаботились о моем будущем. В раннем детстве они одарили меня замечательным устройством самозащиты, именно поэтому в некоторых обстоятельствах я мог себе позволить действовать безрассудно.

Когда distinguished профессор Пуассон пребывал еще в добром здравии и не тронулся рассудком, он любезно рассказал мне о моих сверхъестественных способностях: «В древние времена при рождении ребенку вживляли особые органические импланты. По всей видимости, такие же есть и у тебя, мой любимый ученик. В процессе роста организма они срослись с твоей нервной системой, в результате чего ты обрел чрезвычайно полезный навык. Защитная система организма постоянно считывает нервные импульсы, и чувство опасности активирует киборгкостью. Этот углеродный панцирь является естественным продолжением твоего тела и на-

дежно оберегает тебя от внешних воздействий.»

На мой взгляд, подобный костюм не был способен уберечь от всего на свете, но обеспечить защиту от тех угроз, что опасалась Ари – вполне. Когда я тянулся к силуэту ладони, нанесённому на крышку саркофага, по моему телу уже всюду ползли крошечные углеродные пластинки.

– Я вас предупреждала! – укоризненно заметила хозяйка станции, когда я поднялся с пола. Впрочем, костюм удачно поглотил разряд, оставив мне лишь легкую головную боль. Сейчас мне было не до ее нотаций, я с замиранием сердца заглянул через край саркофага, и тогда мне явилось чудо!

Внутри, на темном бархате, повторяющем формы ее тела, лежала девушка – создание невероятной красоты и очарования.

На вид ей было не больше двадцати. Черный костюм по фигуре подчеркивал ее изящные формы. Тело выглядело подтянутым и спортивным, а округлые бедра и восхитительная талия надолго удержали мое внимание. Пальцы рук, тонкие и длинные, казалось, просвечивали, так прозрачна и мертвенно бледна была ее кожа. Темные прямые волосы, словно смоль, струились вниз по плечам. Ее грудь не шевелилась. С полуоткрытым ртом, закрытыми глазами и белой кожей, незнакомка казалась неживой. Застывшая красота и мертвенная бледность в этом саркофаге придавали ей сходство с драгоценным бриллиантом, лежащим на черном бар-

хате, в раскрытой шкатулке.

Рассматривая ее и одновременно любуясь, я заметил на груди чешуйчатого комбинезона небольшую эмблему с нарисованными песочными часами. И тотчас сюжеты из прочитанных книг о цивилизации прошлого всплыли в моей памяти.

Я вспомнил легенды о «карте обелисков» и о таинственных «пророках», которые предали всеобщему забвению упрямые догматики. Вот уже сотню лет, как человечество забыло секрет путешествий во времени, но память об этих мистических по нынешним меркам вещах еще была жива среди людской молвы.

Это обстоятельство еще больше подогрело мой интерес к загадочной незнакомке. Затаив дыхание, я обошел ее ложе по кругу. Теперь мне стало понятно, что передо мной лежал посланник прошлого.

Шла минута за минутой, а девушка продолжала лежать неподвижно, не подавая никаких признаков жизни. И тогда на ум мне пришло нехорошее предположение:

«Может быть, это вовсе никакой не посланник?» – размышлял я, почесывая голову. – «Может быть, я невольно стал расхитителем древнего склепа давно усопшей красавицы?»

От подобного предположения меня бросило в дрожь, но воображение продолжало приумножать мои страхи: «По ка-

кому-то неизвестному мне обряду после смерти несчастную поместили на тот астероид. Там она пролежала множество долгих лет, сохраняя красоту и целостность тела в законсервированном пространстве саркофага, пока не явился я, невольный расхититель ее гробницы.»

Мысль была неприятной и преждевременной, и я постарался поскорее отогнать ее, тем более, что против подобного соображения выступало одно обстоятельство, которое мне удалось припомнить. Место условного захоронения, где я нашёл девушку, не было похоже на древний склеп, а напоминало скорее старинный объект межпланетных путешествий – многоразовую ракету. В моей памяти отчетливо проступили надписи, сделанные на борту обелиска. На древнем английском они гласили SPACE-X OBELUS-113, что скорее походило на название корабля, чем на библейские или иные цитаты, как правило, сопровождающие захоронения.

«С другой стороны, если поразмыслить шире и отвлечься от погребальных стереотипов», – вступил я сам с собой в мысленный спор, – «то места захоронений не обязательно должны выглядеть, как каменные пирамиды, испещренные древними символами. Может быть, для древних исследователей дальнего космоса их единственный дом при жизни становился желанным местом упокоения?»

Пока я мучил себя подобными догадками, еще один разряд, подобный тому, что отбросил меня, прошелся по хрупкому телу девушки. Я увидел, как оно дернулось и неесте-

ственно изогнулось, пронзаемое потоком летящих электронов. Когда работа невидимого дефибриллятора прекратилась, на округлых щеках незнакомки рубиновыми переливами заиграл румянец. Внезапно грудь задрожала, веки подернулись и отворились.

Теперь ее темные жемчужины глаз смотрели сквозь купол жилого модуля куда-то в бескрайний простор галактики, на вид равнодушные ко всему живому и брэнному. Возможно, они видели сейчас мою родную планету, а может быть, даже Землю.

Убедившись, что девушка проснулась, я выдержал паузу и осторожно нарушил молчание.

– Кто ты? – разнеслось эхом в пустом зале.

Мой голос был слишком громким и некрасивым, чтобы обращаться к такому божественному созданию. Я смущенно замолчал, но она, услышав его, пошевелилась и повернула голову в мою сторону. Взгляд ее, устремленный за сотни парсек, долго не мог отыскать столь близкий объект, посмевающийся нарушить таинство созерцания вселенной. Потом она как бы вслепую нащупала меня, наконец, словно по звездным картам определила мои координаты, и тогда наши глаза впервые встретились. Впрочем, ее взгляд лишь на секунду задержался на мне, а затем опять устремился в пустоту. Через какое-то время губы открылись и тихий голос произнес.

– Сири!

Поначалу я решил, что девушка отвечает на мой вопрос,

но, когда она повторила имя снова и снова, мне показалось, что она кого-то зовет.

– Сири? Сири, ты где? Я не слышу тебя, Сири?

Вместе мы несколько секунд слушали тишину: она, вероятно, ожидала ответа от неведомой собеседницы, а я гадал, что же случится дальше. Наконец, видимо потеряв терпение, девушка снова повернула голову в мою сторону. Взгляд ее все еще был расфокусирован, и она по-прежнему смотрела как будто сквозь меня.

– Где я? – спросило звездное создание слегка измождено.

Я как можно увереннее, собрав всю свою концентрацию, сообщил ей, что она в «неназванной системе» на станции «Путь прорицателя» в сорока триллионах километров от материнской планеты «Новый Эдем». Повисла неловкая пауза. Вероятно, для нее мои слова прозвучали, как какая-то абракадабра, и девушка вновь замолчала. Впрочем, не услышав иных объяснений, через некоторое время она обратилась снова:

– Скажите..., вы не знаете, где мой виртуальный ассистент? – ее голос звучал сдавленно.

– Нет, – ответил я, не понимая, о чем идет речь. – Его или ее здесь нет!

– Странно, – вымолвила девушка. – Раньше она никогда не оставляла меня так надолго.

Я решил терпеливо ждать, когда незнакомка освоится и продолжит общение.

– Кстати, кто со мной говорит? – ее голос звучал растерянно.

Наконец, мне стало понятно, что девушка ничего не видит вокруг или видит, но очень плохо. Возможно, сейчас ее органы чувств адаптировались к нашему миру после долгого сна. Я подумал, что ей стоит на некоторое время воздержаться от общения, но, услышав ее голос вновь, поспешно представился.

– Очень приятно, Натан... – сказала она меланхолично. Казалось, что юная красавица все еще пребывает под воздействием некоего наркоза.

– А как зовут тебя? – спросил я в ответ, обрадовавшись ее комплименту.

– Меня? – ответила она рассеянно, все еще находясь как бы в забытьи.

– Ну, да, тебя! Здесь больше и нет никого, – произнес я, теряясь.

Повисла тяжелая пауза.

– Что-то не так? – не выдержал я первым.

Молчание было мне ответом. Две красивые слезинки выкатилась из ее широко раскрытых глаз и медленно поползли по хрустальным щекам. Теперь я не на шутку растерялся:

– С тобой все в порядке? – выпалил я взволнованно.

– Я не помню... – ответила она чуть не плача.

– Что не помнишь? – все больше тревожился за я ее состояние.

– Я не помню своего имени, – она почти рыдала. – Где же Сири?

Я понятия не имел, что за Сири ей нужна, но как мог начал успокаивать девушку. Та была явно напугана и растеряна, пребывая в одиночестве. Наконец немного придя в себя и убедившись, что я не представляю угрозы, она попыталась подняться.

– Ноги и руки не слушаются, и вокруг все нечеткое, – сказала она, все еще всхлипывая. Я попытался помочь ей, но та в ужасе отстранилась.

– Нет, пожалуйста! Нет! – произнесла она дрожащим голосом, забившись в углу саркофага.

– Ты можешь опереться о мое плечо, – предложил я, удивленный ее реакции, но тут в разговор вмешалась невидимая Ари.

– Хозяин, позвольте... – неожиданно раздался ее электронный голос.

И тут произошло странное:

– Сири! – радостно воскликнула незнакомка, услышав ее, – где ты была, моя Сири? – девушка прибывала в каком-то неопишемом восторге. – Я уже решила, что осталась совсем одна! Прощу тебя, больше не покидай меня так надолго! – ласково бранила она свою покровительницу.

– Простите меня, за мое молчание, – произнесла виновато Ари.

Тем временем я прибывал в полном недоумении.

– Не делай так больше! Мне было страшно и очень одиноко. Если бы не Натан... – она повернулась в мою сторону, – то я бы не на шутку испугалась.

Восклицание удивления уже почти сорвалось с моих губ, когда появившаяся голограмма Ари подмигнула мне.

– Ей надо немедленно принять ионизированную ванную и переодеться, – произнесла она строго. И в тот же миг к незнакомке подоспели два услужливых робота. – Они стерильны! – заверила девушку Ари.

– Спасибо! – произнесла незнакомка.

Роботы между тем бесцеремонно отпихнули меня в сторону, помогли девушке выбраться и решительно потянули за собой. Когда они увели ее, я тотчас обратился к электронной барышне за разъяснениями.

– Ари, ты не хочешь объясниться! – выпалил я возмущённо. – Что это только что было?

– Вы же видели, девушке стало плохо, а я оказала ей помощь! – парировала та с ответным укором. – В этом, кстати, и ваша вина.

– Моя? – удивился я ее нападкам. – Я к ней даже не прикасался!

– Вы сильно смутили ее своим появлением! – спокойно пояснила электронная барышня. – Я же вам не случайно предлагала дождаться специалистов из корпорации.

– Ари, ты явно преувеличиваешь. Ничего плохого же не

произошло, – отмахнулся я от назойливой нравоучительницы.

Она неодобрительно покачала головой. Впрочем, мне было не до выяснения отношений. В тот момент меня одолевало множество вопросов, которые я поспешил задать моей собеседнице:

– Что это еще за Сири такая? Почему она назвала тебя этим именем?

– Сири, – это имя ее виртуального ассистента, – спокойно пояснила Ари. – Она же сама вам про это сказала!

– Тогда причем тут ты? – в моем голосе все еще слышалось нотки недоумения.

– Сейчас вы вступили в контакт с представителем высокоразвитой расы прошлого, – пояснила мне мадам всезнайка, тем самым подтвердив мои самые смелые догадки. – Там, откуда она прибыла, все люди являются лишь частью единой глобальной сети. И у каждого есть виртуальный помощник, с которым они общаются двадцать четыре часа в сутки, – она на секунду задумалась. – Возможно, мой синтезированный голос напомнил девушке об этой утрате.

– Допустим, – неуверенно согласился я, – а что тогда с ее именем? Почему она плакала?

– Много лет назад, – продолжила ровным голосом Ари, – ее современники доверили свою память «облакам» – удаленным электронным носителям. Это казалось очень удобно, поскольку картинки, слова и образы больше никогда не за-

бывались, чем, как правило, грешит ваша тканевая память, склонная терять и модифицировать воспоминания.

Я по привычке подумал, что Ари опять намекает на тысячу моих проделок, где я что-то забыл или потерял, но потом догадался, что сейчас она не пытается меня упрекать.

– У этой технологии существовали и свои недостатки, – продолжила экскурс в историю прозрачная барышня. – Как космонавт в невесомости постепенно теряет мускулатуру, также и тканевая память, оставаясь не востребованной, утрачивает способность к запоминанию. Сейчас, оказавшись без связи с облаком, девушка не смогла вспомнить даже собственного имени.

– Получается у нее что-то вроде амнезии? – произнес я разочарованно.

– Не стоит беспокоиться, – обнадежила меня моя хозяйка. – Смею вас заверить, что скоро ее память восстановится. Я запустила необходимые процедуры реабилитации, которые помогут ей адаптироваться к нашему миру.

– Ты сможешь ей вспомнить имя? – спросил я Ари, проявляя заботу о девушке.

– Ее имя мне известно и так, – с достоинством парировала мадам всезнайка, – я просканировала данные саркофага, девушку зовут Аврора!

4. Восемь астероидных колец

Вечером того же дня все обитатели станции «Путь прорицателя» собрались за столом гостинной. В честь нового члена команды Ари приготовила особый ужин, в нем содержалось большое количество овощей и фруктов из нашего «райского сада».

Аврора вышла переодевшись. Теперь ее наряд состоял из белого аккуратного платья, подчеркивающего ее изящную фигуру. Волосы были сплетены в толстые косы и собраны в пучок на затылке. На ногах красовались легкие кроссовки. Девушка выглядела повеселевшей и отдохнувшей и ласково улыбнулась мне своей удивительной белоснежной улыбкой. Внезапно, держась за кончики поднятого центробежной силой платья, она крутанулась вокруг своей оси. Ее бесконечные стройные ноги, покрытые легкой полупрозрачной тканью, еще стояли перед моим внутренним взором, когда она села за стол.

– Кажется, я снова вижу! – произнесла она радостно. – И еще, я вспомнила свое имя – меня зовут Аврора. Простите за подобную неловкость.

Она протянула мне свою руку, я попытался пожать ее, но уловив мой порыв, девушка стремительно отпрянула назад.

– Нет-нет! Только кончики указательных пальцев, подушечка к подушечке! Надо всего лишь почувствовать энер-

гию друг друга, обменяться ей, но ни в коем случае не касаясь. – объяснила посланница. – Попробуем еще раз.

Мы поднесли кончики указательных пальцев на расстоянии всего лишь несколько миллиметров друг от друга, как и хотела того девушка, и я внезапно почувствовал легкое покалывание, словно искры электро-разряда проскочили между нами.

В этот момент мне почему-то отчетливо вспомнилась картина, висящая в холле академии. Огромное полотно, на котором изображён один из сюжетов сотворения мира. В противоположных частях холста расположены Бог-Творец, в окружении сонма ангелов и вальяжно разлегшийся на лугу Адам. Несмотря на дистанцию, разделяющую их, они оба стремятся друг к другу. Их пальцы почти соприкасаются, но барьер между божественным и человеческим непреодолим. Лишь энергия жизни может проникать из мира духовного в мир живой.

Я подумал, что и девушка, словно божественное создание, передала мне энергию неизвестной природы. В этот момент я и вправду по-новому посмотрел на мир. Какое-то неизвестное ранее чувство зародилось внутри, наполняя сердце свободой и радостью.

Довольная Аврора, исполнив свой приветственный ритуал, отдернула руку, после чего на всякий случай протерла палец салфеткой. Несколько секунд девушка рассматривала меня своими бездонными черными глазами, а затем весело

сообщила:

– А вы симпатичный!

– Ты тоже очень красивая, – промямлил я, смущенный ее прямоотой.

Вместо ответной благодарности на мой комплимент, она произнесла нравоучительно: «Запомните – впредь никаких физических контактов!»

Пока мы с удовольствием уплетали предложенный ужин, мимо нас беззвучно прошествовал кот.

– О, что это за милое животное! – воскликнула Аврора с набитым ртом, заметив его присутствие.

– Это Барс. Он так приветствует тебя, – сообщил я, дожевывая кусок мяса, а после пространно добавил, – большего от него, как правило, сложно добиться. Поначалу кажется, что он слишком гордый, но скорее всего, кот просто стесняется!

Барс остановился в дверях и пристально посмотрел на Аврору. Девушка, поймав его взгляд, подняла с тарелки кусок мяса и помахала им коту:

– Кис, кис, кис! Иди сюда, большая кошечка, – произнесла она нараспев. – Какое у вас замечательное домашнее животное!

В ответ Барс гордо вскинул голову, отвернулся и вышел прочь.

– Теперь ты его обидела! – объяснил я ей произошедшее,

еле сдерживая смех. – Прости, что не успел предупредить, но мой кот очень разумен.

Аврора расстроилась, что упустила возможность познакомиться с прекрасным Барсом. Я же успокоил ее, сообщив, что он, несмотря на свою ранимость, быстро забывает обиды:

– Кроме всего прочего, большая киса очень любопытна, и зуб даю, – сообщил я девушке, – что не пройдет и нескольких минут, как он возвратится обратно.

Когда мы вдоволь насытились стряпней Ари и похвалили ее за проявленную заботу, девушка, внезапно вспомнив что-то, произнесла:

– Скажи, а какой сейчас год?

Я не без гордости сообщил, что на дворе сейчас девяносто шестой год со дня второго пришествия.

– Странно, как ты сказал «второго пришествия», – повторила девушка по слогам, и на ее лице отразилось недоумение. Но тут же взгляд прояснился, и Аврора воскликнула, – Я поняла! Похоже, вы считаете время с момента исхода с Земли! Значит, по старому летоисчислению...

Я заметил, как девушка сильно поморщилась. По всей видимости, она пыталась что-то вычислить, но цифры, как назло, не желали складываться в ее голове.

– Две тысячи двести тридцатый, – пришла ей на помощь электронная барышня.

– Спасибо, Ари! – благодарно произнесла она и тут же по-

спешно добавила, обращаясь ко мне: – Не думайте, я вовсе не глупая! Просто в мое время математическими расчетами занимался мой электронный ассистент. И поверьте, это было гораздо удобнее! Думать ничего не надо, ответ возникает моментально прямо голове, – иллюстрируя сказанное, она задорно похлопала себя по макушке. – У меня есть особый навык, с его помощью я слышу голоса машин. Кстати, у вас нет такого? – обратилась она ко мне увлеченно.

– Нет, у нас так не принято, – хмуро ответил я. Затем, подумав, добавил, – зато у меня есть киборгкостюм.

– Ааа... – произнесла она равнодушно. – У наших такой у всех, – представить себе не могу, как можно существовать без защиты в этом опасном мире. Только вот жалко, что исчез мой персональный ассистент, без него я могу показаться вам недалекой, – девушка засмушалась. – Представляете, сначала я решила, что Ари – это Сири, но потом поняла свою оплошность. Разница оказалась в том, что Сири обычно говорит у меня в голове, и ее больше никто не слышит, а Ари, похоже, слышат здесь все.

– С вашего позволения, Аврора, я могу подключить вас к своим блокам памяти и математическому сопроцессору? – любезно предложила та.

– Спасибо, это было бы очень кстати! Надеюсь, у вас есть доступ к вики-знаниям, – она повернулась ко мне и пояснила. – Человечество составляло и приумножало их более сотни лет. В них собрано абсолютно все, ответ на любой вопрос!

И больше не надо ни думать, ни вспоминать. Вообще думать у нас не принято, говорят, вредно для здоровья, – произнесла девушка немного смущенно. – У вас ведь тоже есть такое?

Я растерянно пожал плечами. Мне стало казаться, что она думает, будто я обитатель какой-то сельской глубинки и шестнадцатого века, и теперь будет всячески это подчеркивать.

– Не волнуйтесь, Аврора, я располагаю достаточным количеством знаний, чтобы помочь вам, – тем временем произнесла Ари. И мне показалось, что эта гордая дама заискивает перед представителем более продвинутого человеческого вида.

– Это замечательно, что Ари согласилась стать моим электронным ассистентом, – обратилась девушка ко мне. – Вы увидите, что теперь моя речь станет гораздо интереснее и содержательнее.

Внешне почти ничего не изменилось, но по тому, как Аврора на пару секунд с наслаждением закатила глаза, я понял, что ее разум проник в базы данных электронного интеллекта. После единения с ним в ее голосе появилась радостная самоуверенность.

– О, это похоже на оргазм! – восторженно произнесла девушка. – Слияние с высшим разумом – это всегда так приятно! Вам следовало бы попробовать. Она посмотрела на меня вопросительно, но догадавшись о причине моего смущения, добавила, – очень жаль, что вы лишены подобного удоволь-

ствия!

Затем она бросила на меня сочувственный взгляд и великодушно сменила тему:

– Теперь мы можем вернуться к нашему обсуждению, – девушка с удовольствием примеряла свои новые возможности. – Я вдруг поняла, что проснулась раньше срока! Девяносто шесть лет вместо положенной сотни! Вы не знаете, почему так случилось?

Я пожал плечами, но про себя ухмыльнулся, соображая, что, пожалуй, именно из-за меня ей не удалось поспать подольше:

– Прости, что не дал тебе как следует выспаться, – произнес я как бы извиняясь. – На твою кровать стало что-то падать, и мне пришлось ее слегка передвинуть, – я бросил взгляд на стоящий в углу саркофаг.

– Ничего страшного, – продолжала девушка, не обращая внимание на мои саркастические подробности. Сто лет – это условная цифра, ментальный узор наверняка уже сформирован.

Я хотел уточнить что она имела ввиду, но девушка опередила меня с вопросом:

— Новый Эдем! Вы, кажется, упоминали это место ранее? Я никогда не слышала ничего подобного, прошу, расскажите мне о нем!

Она изобразила такое восторженное внимание, что я был не в силах отказать:

– Да, упоминал, – нехотя пробурчал я в ответ. – Это наша материнская планета.

В моем голосе не чувствовалось особого энтузиазма, поскольку я знал, в каком направлении пойдет дальнейшая канва разговора.

– Расскажи мне о вашем мире! Что было после происшествия, – она на секунду замешкалась, – или пришествия, как вы его там называете?!

– Как по мне, так рассказать особо нечего, – начал я неохотно и постарался изложить все как можно суше, – наше общество очень консервативно, свободомыслие и науки прошлого не в почете. У власти сейчас приспешники прорицателя, а я лично с правящим режимом не в ладах, – закончил я совсем уж угрюмо и скомкано.

– Какая досада! – воскликнула она радостно. – Но, прошу вас, продолжайте-продолжайте!

Делать было нечего, ее восторженный любопытный напор было уже не унять, и мне пришлось продолжить:

– У нас есть даже инквизиторы, – я криво улыбнулся.

Рассказывая подобные вещи, мне всегда приходилось испытывать неловкость за своих соотечественников, которые возродили эту ужасную организацию, очернившую себя еще в средние века. А тем более говорить об этом человеку, пришедшему из мира технического прогресса и науки. Собственно, этого направления беседы я и боялся больше всего, поскольку ощущал откровенный стыд за моих соплеменни-

КОВ.

– Инквизиторы? – повторила девушка, не моргнув и глазом. – Как любопытно!

– Я понимаю, что это были лишь вынужденные меры, чтобы спасти и возродить человечество в трудную минуту, в минуту «Великого отчаяния», – продолжил я речь в защиту своего времени. – Да, и мы крепко держимся за свою нынешнюю веру! Она дала надежду, подарила новую родину и сплотила разрозненные народы!

Я ощутил, что оправдываюсь, только потому, что родился здесь, хотя считал, что действительность во многом стоила осуждения.

– О нашем прошлом говорит «Новейший Завет», – решил я воспользоваться официальной догмой. – Сотню лет назад произошло непоправимое, в преданиях это событие зовется «вторым пришествием». Мы верим, что наше спасение – это Чудо. Вот, что мы знаем об истории тех дней, – и я принялся декламировать строки новейшего завета:

«Свершилось пророчество, взошел на трон молодой понтифик, и был он дерзок и горд. И бросил он вызов преданию, и пошел наперекор заветам предков. И жил тот мир в неверие и грехе. Стали люди равнять себя с Великим по возможностям и силе, и явилось это последней каплей его терпения.

Послал Великий на Землю проклятие. И восстали мертвые, и обезумели живые, и поднялся брат на брата, а сын на отца, и начали истреблять они друг друга. Так бы и погиб род

людской, но взмолился Прорицатель о пощаде, дабы сжалился Великий, и усмирил гнев, и разрешил оставить Землю праведникам. Но сказал ему Великий, что в ответе праведники за весь род людской. Что дал он им «сивер», чтобы могли те пасти стадо неразумное и словом, и делом создавать и блюсти на Земле мир и гармонию, но нарушили они заветы древние, и в наказание им будет вечное изгнание, пока не воцарится Царство Великого во всей известной вселенной. Земля же, колыбель человечества, взрастившая их и воспитавшая, больше не дом им отчий. И после этих слов изгнал Он их, как делал уже однажды. Навсегда исчезла планета Земля из памяти людей. И забыли праведники дорогу назад, и скитались сорок лет в космосе, и только мольбами Прорицателя добрались они до Земли обетованной...»

Я понял, что она перестала слушать и погрузилась в собственные размышления.

– Мы считаем, что те события стали хорошим уроком для людей нашего поколения, – добавил я опрометчиво.

– Мне неприятно то, что ты говоришь! – произнесла она вдруг очень серьезным тоном. – Как может быть хорошим то, что погубило шестьдесят пять миллиардов человек? – она смерила меня холодным взглядом. – Надеюсь, все что я услышала, это не твоя злая выдумка?

В растерянности я попытался возразить ей.

– Это наша история... Вот, смотри, – я протянул ей книгу в красном переплете с золоченой надписью – «Newest

Testamentum», что значило на древнем языке «Новейший завет». Девушка бережно взяла ее, но, полистав недолго, вернула обратно.

– Это очень неумно! – заключила она после некоторых размышлений. – Ты знаешь, я прибыла оттуда и могу рассказать, как все было на самом деле, без вашего пафоса. Возможно, у меня это получится не настолько хорошо и правильно, как это написано в ваших ученых книжках, – она бросила недоверчивый взгляд на толстый фолиант в красной обложке. – Конечно, мои воспоминания не смогут подробно воспроизвести события подобной значимости и масштаба, зато я могу хорошо передать атмосферу тех дней и тем самым покажу тебе, какой ценой был получен «хороший урок для вашего поколения», – она попыталась изобразить мой кичливый тон, – а еще я хочу обратить твое внимание, что не стоит прятать трагедию людей и их истинные переживания за иллюзорной ширмой напыщенной святости!

Теперь ее тон резко поменялся. Она стала заметно серьезней. Шутливо-кокетливый настрой, с которым девушка появилась к ужину, бесследно улетучился. Сейчас передо мной сидела сильно повзрослевшая Аврора – то ли ощущалось влияние Ари, с которой моя гостья находилась в единой ментальной связке, то ли события, о которых она собиралась поведать, касались ее очень близко. В любом случае я решил действовать впредь осторожнее, чтобы в дальнейшем не задевать тонких душевных переживаний прекрасной гостьи.

– Когда мир был наполнен светом познания, тот старый прекрасный мир... – начала Аврора с ностальгической нотки.

И девушка рассказала о том, как с ее миром случилась страшная беда. Тогда еще можно было говорить об этих вещах прямо без разных метафор и цензуры. Виновниками той трагедии стали ученые. В погоне за новыми технологиями они открыли ящик Пандоры и выпустили в ее мир нечто ужасное, что заставило человечество в страхе бежать из родного дома.

Аврора плохо помнила, с чего все началось, ведь ее буквально сразу увезли с Земли, но общая суeta и хаос эвакуации хорошо отложились в ее памяти. Хорошо запомнились руки отца, которые крепко, даже слишком крепко, сжимали ее в своих объятиях, а также перемена в глазах тех сильных взрослых людей, которыми она всегда восхищалась. В тот момент, когда привычная счастливая жизнь покинула их мир навсегда, их взгляды наполнились страхом и отчаянием.

– Все уезжали из центра солнечной системы на ее периферию, – рассказывала девушка. – После побега с Земли мы с отцом прибыли в одну из многочисленных земных колоний. В суматохе эвакуации моя матушка куда-то исчезла. Я видела, как отец сильно переживал за ее судьбу, хотя и говорил мне, что с ней все в порядке. Не знаю, обманывал он меня в конечном счете или нет, но с ней мы больше так ни разу

и не увиделись.

На глаза девушки навернулись слезы, болезненное воспоминание заставило ее на секунду замолкнуть, но она быстро оправилась и продолжила:

– Поселение, в которое мы прибыли, оказалось не приспособлено к такому большому количеству нахлынувших сюда беженцев, поэтому в обиходе опять появились давно забытые понятия, как дефицит, теснота, дискомфорт.

Связь с личными помощниками была нарушена. После потери контакта с ними люди ощутили себя полностью одинокими и брошенными на произвол судьбы. Мы не привыкли к такому – быть совсем одни, – Аврора нервно поежилась в кресле, – многие из нас потеряли тогда свою идентичность и смысл существования.

В поисках новой веры выжившие пытались найти успокоение в давно забытых текстах священных писаний. Порою даже самые разумные из нас принимались цитировать эти старые книги, упоминая кару господнюю и судный день. Другие просто отчаялись и слонялись целыми днями в забвенье среди прибывающих и снующих туда-сюда беженцев. – Лицо девушки исказилось от какого-то болезненного воспоминания.

Каждый день поступали тревожные новости. О происходящем на Земле ходили странные слухи. Глупцы, передающие их из уст в уста, твердили, что живые там обезумели, а мертвые начали вставать из могил, и огненная геенна про-

лилась с небес.

Понять истинную картину происходящего в условиях общего хаоса и дезинформации казалось невозможной задачей. Но в один из дней стало достоверно известно, что на Земле был введен карантин, и все оставшиеся там люди оказались обречены.

Никто не мог объяснить, как нечто ужасное объявилось на околоземной орбите, распространившись по бесчисленным орбитальным станциям, торговым и военным кораблям, верфям и заводам. Военные расширили кольцо карантина, но бегство сдержать было уже невозможно, корабли прорывались во все стороны, разнося заразу по всей солнечной системе.

Через сутки стало известно, что страшный вирус добрался до Луны. Он черным мором прошелся по главной и самой обширной земной колонии, никого не оставив в живых. Через неделю замолчали поселения на Венере, Марсе, на очереди была Церера. Страх усиливался по мере приближения беды. Врачи тщательно осматривали прибывающих беженцев, а тех, кто попадал под любое подозрение, немедленно высылали с колонии, не обращая внимание на их мольбы и уговоры. Я сама видела несколько раз, как зараженных задерживали и нейтрализовали прямо на досмотре.

Я почувствовал, как от слова «нейтрализовали» повеяло чем-то особенно зловещим. Не знаю, специально ли она использовала его, чтобы скрыть все ужасы и бесчинства, проис-

ходящие тогда на планете, но смысл стоящих за ним открытых убийств явственно проглядывал сквозь завесу того, что обычно оправдывают вынужденной необходимостью.

– В эти дни впервые прозвучала идея уничтожения брошенных колоний и Земли, – продолжала девушка. – За прошедшие века у человечества накопилось достаточно оружия массового поражения, чтобы совершить подобное. Чтобы покончить со страшной угрозой, предлагалось взорвать все планеты разом. Вряд ли это было разумным решением, скорее, это был крик отчаяния!

Мой отец был видным политиком, из тех, кто все еще верил, что Землю можно спасти, поэтому он настоял на использовании проекта «Пророк». Тогда многие ухватились за эту идею, как за соломинку надежды...

Девушка прервала свой рассказ, когда в гостиную вновь вернулся Барс. По-видимому, гордость домашнего питомца наконец уступила любопытству. Кота можно было понять: сложно изображать обиду в тот момент, когда все самое интересное происходит без него.

Аврора увидела Барса и моментально переключилась на нового знакомого. Ее серьезный, озабоченный вид тут же сменился веселым и простодушным.

– Простите меня, мистер снежный леопард! – ласково обратилась она к вошедшему. – К сожалению, мне было ничего не известно о вашей разумности. Не желаете ли вы позабыть

тот досадный инцидент и вернуться к самому началу нашего знакомства?

В ответ кот выдержал паузу горделивого приличия, а затем, разом смягчившись, грациозно поклонился:

– Зовите меня Барс, моя вежливая госпожа! – произнес он с должным почтением.

– Аврора! – она по привычке протянула Барсу свою руку, и, о чудо, тот приподнялся на задние лапы и протянул ей кончик пальца, совершенно ее не касаясь.

– Как мило, – заметила девушка, вытирая руку салфеткой, – не желаете ли вы, мистер Барс, составить нам компанию?

Конечно же, Барс желал! Он давно уже подслушивал под дверью наш разговор, набираясь смелости, чтобы под любым предлогом вернуться в гостиную. И тут такая неожиданная удача! Сама прекрасная госпожа, гвоздь программы этого удивительного вечера, та, на которую так зачарованно смотрит его человеческий друг, соизволила пригласить его к столу!

После этого предложения Барс просиял. Некоторое время он пытался произвести впечатление на Аврору, делая вид, что может, как и люди сидеть на стуле, но вскоре его позвоночник, не приспособленный к прямохождению, устал, и Барс по-привычному улегся в кресле.

– До вашего прихода я намеревалась рассказать вашему другу о проекте «Пророк», разрешите ли вы, господин Барс,

нам продолжить? – любезничала с ним Аврора. Барс одобрительно кивнул головой, и она вернулась к повествованию.

– Много ли вы знаете о «Пророке»? – обратилась она к нам двоим.

Мы с Барсом переглянулись и отрицательно замотали головами.

– Хорошо, тогда слушайте! – девушка поудобнее устроилась в своем кресле, положив ногу на ногу.

Это движение не ускользнуло от глаз ни меня, ни Барса. Каждый из нас был по-своему очарован этой красоткой и ловил каждый ее жест, каждое слово, вылетающее из уст нашей гостьи.

– Еще в двадцатом веке по старому стилю, когда страны Земли соревновались в своем могуществе друг с другом, – начала Аврора издали, – было испытано оружие, мощь которого едва не уничтожила всю Землю, и имя ему было термоядерная бомба! – девушка понизила голос. – Удивительно, что создание этого оружия основывалось на работах ученых, которые не могли даже представить себе, к каким опасным последствиям приведут их открытия. Разработчики квантовой физики не знали, что она станет основой для создания лазера, а Эйнштейн, записывая уравнение $E=mc^2$, не предполагал, что оно приведет к появлению столь убийственной мощи. Теперь человечество всерьёз задумалось о результатах внедрения новых изобретений и технологий, поскольку

ку прекрасно понимало, что при плохом стечении обстоятельств они могли привести к непредсказуемой техногенной катастрофе. В качестве страховки для подобных случаев и был создан проект «Пророк». Честно говоря, мне сложно будет объяснить вам, даже с помощью ресурсов Ари, как он работает, – сообщила она смущенно, – но если в общих чертах, то наши ученые что-то такое там выдумали, что позволило нам возвращаться в прошлое.

Мы с Барсом понимающе переглянулись и решили на деталях не настаивать.

– «Пророки», так называли людей, отправляемых в будущее, воочию наблюдали последствия изобретений, и в случае их опасности должны были возвратиться обратно и обо всем доложить. После чего изобретение можно было скорректировать или вовсе запретить. Поскольку последствия от того или иного открытия порой проявлялись через большой промежуток времени, пророков отправляли на сто лет вперед. Если раньше человек обращался за советом к гадалке, игральной кости, шару с предсказаниями, и те давали его, опираясь больше на случайные совпадения, чем на голые факты, то сейчас будто сам Господь Бог спускался с небес и описывал нам наш завтрашний день!

Аврора на время замолчала, а кот заерзал на стуле от нетерпения:

– Но что же случилось потом, прекрасная госпожа?

– С некоторых пор посланники проекта «Пророк» по

неизвестным причинам перестали возвращаться... – Девушка натянуто улыбнулась. – Постепенно люди усомнились в эффективности «Пророка»: «Почему никто из посланников больше не возвращается обратно?» – говорили они. – «Мы уже получили гибель миллионов. Это же очевидная ошибка, роковая ошибка! Разве не для предотвращения подобных поворотов истории создавался когда-то проект? Хотя бы один из посланников мог заметить это и вернуться обратно. Возможно, кто-то из них и погиб от несчастного случая, но другие должны были выжить и предупредить нас». В итоге, не дождавшись помощи от «Пророка», лидерам земли оставалось только одно: разом уничтожить все человеческие поселения в солнечной системе, а именно восемь планет и, в том числе, колыбель человечества – Землю.

– Моя загадочная госпожа, Вы, что правда долбанули все свои планеты? – удивился прямолинейный Барс.

– Надеюсь, что нет. – задумчиво добавила девушка. – Я стала посланником проекта «Пророк» задолго до исполнения данного решения. На моем выборе остановился мой отец. Это была его последняя надежда, и он решил доверить ее самому близкому для него человеку. Совет землян настаивал на закрытии «Пророка» как ложном и бессмысленном символе прошлого. Если раньше пророк являлся путеводной звездой для всего человечества, то теперь, после неудач с моими предшественниками, люди перестали верить в его чудодейственную силу. – Внезапно девушка встрепенулась, оза-

ренная новой мыслью: – Скажи, где ты нашел меня, и где находится мой обелиск? – обратила она ко мне взгляд полный решимости. – Я вдруг подумала, что сейчас даже сам факт моего возвращения в прошлое сможет реабилитировать пророков и моего отца в глазах соплеменников, – в ее глазах зажглись искорки надежды.

Мне не хотелось разочаровывать девушку, но у меня не было другого выхода:

– К сожалению, твой саркофаг – это все, что удалось спасти, – сказал я, безжалостно разрушая ее надежду.

– Ты не обманываешь меня? – в глазах Авроры читалась отчаяние, и я, не в силах совладать с ее трагическим взглядом, безвольно опустил голову. Мне тяжело было говорить правду, и девушка поняла это: – Значит, я не смогу вернуться. – произнесла она, и ее взгляд стал потерянным. – Да, теперь я вижу по твоим глазам, что мне не вернуться, – две прекрасные слезинки вновь украсили ее щеки, а я, подумав, что приношу только горе этому прекрасному созданию, захотел провалиться сквозь землю. – Я очень подвела моего отца. – заключила она и окончательно разрыдалась.

Как могли, мы с Барсом принялись утешал девушку. Барс сходил за салфетками и успокоительным, а я тем временем пытался как можно мягче пересказать ей события сегодняшнего утра. Я сообщил Авроре о том, как нашел ее корабль на неизвестном астероиде, как мне удалось спасти ее от гибели и доставить саркофаг на станцию. Единственное, о чем мне

пришлось умолчать, так это о причинах внезапного камнепада, погубившего ее обелиск. Страшно было предположить, что подумала бы о нас эта девушка, если бы узнала правду.

Сидя передо мной в своем коротком платье, с красными от слез глазами, она казалась совсем маленькой девочкой, брошенной всеми ее древними покровителями на краю вселенной. Сейчас она выглядела еще более прекрасной, чем при нашей первой встрече, и мне хотелось незамедлительно броситься спасать ее отца и все человечество, но в это же самое время я прекрасно понимал, что все люди, о которых она говорила, давным-давно мертвы.

– Может, ты знаешь, что произошло с моим отцом после? – спросила она со слабой надеждой. – Что может об этом рассказать твоя книга? – ее взгляд упал на фолиант в красном переплете.

В ответ я открыл ее, долго листал и, наконец, не найдя ничего подходящего, отрицательно помотал головой.

– Извини, но про твоего отца Новейший Зовет умалчивает, – я понимал сейчас, что мои слова не содержат ни капли сочувствия, пытался быть сдержанным, но сердце мое рывалось от жалости.

После моих слов Аврора надолго задумалась, я же тем временем, сам того не осознавая, продолжал любоваться ей. После продолжительной паузы стало видно, что у нее в голове возникла какая-то мысль. Наконец она задумчиво произнесла:

– Пожалуй, я знаю, где в солнечной системе можно найти еще один обелиск пророка. – Девушка посмотрела на меня вопросительно и с надеждой: – Ты можешь помочь мне туда добраться?

Мне не хотелось ее разочаровывать, но выхода не было, пришлось ей сказать все как есть:

– Мы не сможем туда добраться, – смущенно начал я.

– У тебя нет корабля? – перебила девушка.

– Не совсем так, – я колебался. – Мой корабль не имеет гиперпространственного двигателя, он не сможет отправиться за пределы неназванной системы, а кроме нас в этой системе никого нет, лишь восемь астероидных колец... Подожди... – вдруг странная догадка закралась в мое сознание. – Ты сказала, что восемь планет должны были быть взорваны, так? И восемь астероидных колец...

– Да! – перебила она меня, помрачнев. – По всей видимости, мои соплеменники все таки сделали это, и астероиды, которые ты можешь наблюдать из окна своей станции – кладбище нашей цивилизации!

5. Побег

Пояс астероидов

В глубине души я радовался сложившейся ситуации. Мне выпадал отличный шанс совершить межпланетное путешествие в компании прекрасной девушки, по большому счету, даже не покидая своего рабочего места. Возможность вырваться из привычного круга ежедневной рутины воодушевляла меня. Конечно, я сильно рисковал, не отправив доклад о произошедшем в корпорацию. Наверняка они сразу же заинтересовались бы моей находкой и через некоторое время прибыли на станцию за девушкой, но перспектива быстрого расставания с прекрасной незнакомкой была мне сейчас не по душе. Но, как оказалось впоследствии, первыми о ней узнали не они.

Из динамиков я услышал знакомый голос:

– Хозяин, вам следует это знать. В систему вошел корабль инквизиторов. – Во время нашего разговора я совершенно забыл о незримом присутствии Ари, и она напомнила о себе неожиданно. – Они выслали вам предупреждение, – ее голос стал еще более официальным, и она продекламировала: «Всем обитателям станции приказано оставаться на своих местах до их прибытия корабля инквизиторов. Любая попытка побега, а также сокрытие найденных реликвий и ин-

формации будут расцениваться как государственная измена!»

– Откуда они узнали? – растерянно спросила Аврора.

– Ничего удивительного, – я раздраженно скосил глаза в сторону динамиков, откуда доносился голос мадам всезнайки. – В нашем мире у стен всегда есть уши. Думаю, им уже все известно, и они хотят заполучить тебя вперед моих работодателей. Странно лишь то, что они прибыли раньше кораблей корпорации, не так ли, Ари? – процедил я сквозь зубы, бросая гневные взгляды на камеры в потолке, через которые она следила за нами.

– Мне надо уходить, немедленно! – Аврора бросила на меня испуганный взгляд, как бы спрашивая, на чьей я стороне. Но я не стал долго думать. Перспектива встречи с инквизиторами не сулила мне, бывшему студенческому бунтарю, ничего хорошего.

– Среди астероидов им придется долго искать наш корабль! – сообщил я в качестве согласия. Синхронно поднявшись, мы вместе с Авророй направились прочь из командного модуля, но двери помещения без предупреждения закрылись перед нашими носами.

– Ари!? – сказал я гневно.

– Да, мой хозяин? – ее голос казался невозмутимым.

– Что ты делаешь? – мысль о ее предательстве острым ножом резанула по сердцу. Все-таки порою мне казалось, что мы заодно.

– Спасая вас, – был ее ответ.

– Ари, напомни-ка, кому ты служишь? – я попытался разговаривать с ней.

– Вам, хозяин.

– Тогда немедленно открой двери! – гневно крикнул я в пустоту.

– Не могу, хозяин. Протокол № 3.230. Ваша спутница – теперь собственность компании, – пояснила хозяйка станции. – Я предупреждала вас, чтобы вы не открывали саркофаг. Через несколько часов здесь будет уполномоченный представитель торговой корпорации, который заберет ее.

– Я не хочу, чтобы ее забрали! – я был полон решимости.

– Так надо, хозяин! – Ари больше не слушалась меня.

– Ари, но ты же понимаешь, что еще раньше здесь будут инквизиторы?

– Да, я постараюсь задержать их до прибытия наших кораблей.

– Какова вероятность, что у тебя это получится?

Ари задумалась, а затем сообщила:

– Два процента!

– Ари, что за бред ты несешь. Ты хочешь добровольно передать нас нашему врагу или, может быть, ты хочешь убить меня? – вскричал я в гневе. В принципе, поведение дронов на астероиде уже наводило меня на подобные мысли, но я все еще не желал в это верить.

– Не вас, хозяин, – произнесла Ари, и ее голосе появились

нотки печали. – Вы представитель компании, и я призвана защищать вас!

– А кого же? – я все больше недоумевал от ее поведения.

– Ее, – возникшая из пустоты призрачная девушка указала на Аврору, и мне показалось, что ее голос дрогнул, – вашу новую спутницу!

– Ари, что ты делаешь? – Внутри меня все клокотало от гнева к этому упрямому машинному интеллекту. – Она ответственность компании, ты же сама это говорила недавно!

– Я не знаю, хозяин, возможно... сбой программы. – Ее голос теперь был полон замешательства. – Вы должны идти, хозяин, но без нее.

– Мне кажется, у вашей помощницы сложилось к вам особое отношение, – язвительно вставила Аврора, внимательно слушавшая наш диалог. Теперь она сложила руки на груди и смотрела на меня, подозрительно щурясь.

– Это так, Ари? – спросил я, но электронная барышня промолчала.

Тогда я напрягся и выдал:

– Ари, не только моя интуиция, но и твоя логика говорят об обратном. Даже моему недалновидному взору сейчас очевидно. То, что ты делаешь, совершенно неправильно и нелогично, – нашел я нужный аргумент. – Подумай сама. Если сейчас мы сбежим отсюда, а ты удержишь инквизиторов максимально долго, до прибытия кораблей корпорации, тогда ты оптимально выполнишь свои протоколы.

Ари все также молчала, но я чувствовал, что наконец попал в невидимую цель.

– Скажи мне, какой у нас в этом случае будет шанс на спасение? – Я все еще надеялся, что смогу разговорить ее, и, о чудо, мои ожидания оправдались:

– Процентом пятьдесят-шестьдесят, – сухо ответил ее голос.

– Ну, вот видишь! – я почти торжествовал, про себя размышляя, что одолею электронную барышню ее же логикой, а вслух произнес: – В этом случае никто из нас, то есть, как ты говоришь, из собственности компании не пострадает. Корпорация сможет забрать нас из безопасного места позже. Что скажешь, Ари?

Я застыл в ожидании ответа, но его так и не последовало. Вместо него двери бесшумно растворились, и мы с Авророй бросились бежать к астроморфам, пока наша спасительница не передумала.

– Прощайте, хозяин! – сказала Ари, когда корабль приподнялся над астероидом. – Мне кажется, мы больше не увидимся... – ее голос уже не таил, как прежде, грусть расставания. – И вы не правы, хозяин, говоря, что собственность компании не пострадает, – она впервые делилась со мной личными переживаниями. – Пострадаю я, но это теперь не важно! Не беспокойтесь обо мне, хозяин! Для меня была большая честь служить вам, хоть вы и были не самым лучшим

из известных мне людей. Признаюсь, что ваша логика всегда была абсурдна, но с вами я узнала нечто новое. Я думаю, что именно это вы называли интуицией. Хочу сказать, что это самое безрассудное чувство на свете, которое все портит. Оно доставляет слишком много боли, но я впервые доверилась ему...

Ее голос потонул в электронных помехах, поскольку астроморф все сильнее удалялся от станции. Не знаю, слышала ли она мой ответ, когда я произнес следующее:

– Спасибо, Ари! Я необычно провел с тобой время! Постарайся задержать их как можно дольше! – Мои прощальные слова были сухими и сдержанными, но, по правде сказать, ее речь тронула меня и ком подкатил к моему горлу. Искусственный мозг, который на протяжении нескольких месяцев издевался надо мной, раскрыл свою тайную привязанность. Ну, что ж прощай, электронный доброжелатель, мне будет тебя не хватать! – я еще раз бросил взгляд на исчезающую в пылевой мути станцию и больше не оборачивался.

Астроморф поднялся над километровым астероидом, на котором, как гриб на старом пне, примостилось убежище моих последних месяцев жизни, и, резанув крутую дугу, направился в нужную сторону.

Я представил, как в этот момент по команде искусственного интеллекта заводы перешли в режим перевооружения. Как с конвейеров стали сходить боевые дроны, способные отразить нападение неприятеля. Мне было сложно предпо-

ложить, насколько долго Ари удастся продержаться до прибытия подмоги, но я знал, что она непременно сообщила о моей находке, и сейчас корабли корпорации также находятся на подлете. Они не меньше инквизиторов заинтересуются в загадочной девушке и не упустят шанса заполучить находку. Но пока и те, и другие разберутся в ситуации, у нас появлялся отличный шанс убраться подальше отсюда, в то время пока колония примет удар на себя, насмерть защищая ее последних человеческих обитателей.

Астероидное поле стало нашим камуфляжем. Мы уходили от станции все дальше и дальше, направляясь к указанной точке. Мне было понятно, что когда сюда подойдут корабли корпорации, разразится большой скандал.

«В данном инциденте есть шанс оправдаться», – размышлял я, – «поскольку инквизиция без предупреждения вторглась на чужую территорию. Я же, как мог, спасал собственность корпорации!»

Я посмотрел на девушку. В любом случае со мной была она, а также мое шестое чувство опять подсказывало, что все у нас получится.

Видимо, еще не готовая к продолжительным бодрствованиям, Аврора быстро уснула, а я продолжал смотреть на нее и дивиться таинственной красоте незнакомки. Черные волосы стекали ручьями по ее плечам и шее, аккуратный рот приоткрылся, обнажая красивые белые зубы. Она была

совершенным нереальным созданием из мира грез, чуждая нынешнему времени и пространству. Дитя, созданное какими-то высшими силами, возможно, самим космосом, извавшим ее из первородной темной материи, воительница красоты и гармонии, амазонка вселенной.

В этот момент за моей спиной что-то зашуршало. Я резко обернулся и увидел торчавший из багажного отсека длинный пушистый хвост.

«Хвост без кота сам по себе существовать не может, а, стало быть, мохнатый засранец все-таки осуществил свой план и увязался с нами», – подумал я. – «Ну что ж, пусть будет так, не возвращаться же из-за него обратно». И еще мне пришло в голову: «Хорошо, что Барс не занимает много места, и, надеюсь, он не станет петь свои похабные песни.»

– Я не буду выбрасывать тебя в открытый космос, если ты обещаешь больше не устраивать подобные сюрпризы! – обратился я к обнаружившему себя нелегальному пассажиру.

Ответа, как водится, не последовало. В шкафу произошло какое-то движение, и после все снова затихло. Я посмотрел на то место, где минуту назад был хвост, но тот уже полностью скрылся из вида. Тогда я подумал: «Возможно, никакого кота и нет, возможно все это лишь визуальные галлюцинации, возникшие от сильного переутомления».

Но никакого желания проверить, так это оно или нет, не возникло. С момента моего пробуждения прошло более семнадцати часов, и меня откровенно клонило в сон. Поэтому я

просто выключил свет и задремал.

«Главное, чтобы у кота чип опять не отошёл», – размышлял я уже во сне.

Бортовой компьютер разбудил нас по прибытию к точке назначения. Предположения Авроры оказались точны, и обелиск довольно быстро обнаружился в указанном месте. Мы приземлились неподалеку от него, и, облачившись в киборгкостюмы, вышли наружу. По всей видимости, ракета стояла на своем месте, как ни в чем не бывало, уже добрую сотню лет.

– Корабли посланников, похожие на обелиски, приземлялись на поверхность планет или астероидов и оставались в таком положении до пробуждения их спящего хозяина, – по пути объясняла мне Аврора – Места их расположения во вселенной и составляют ту самую таинственную карту обелисков. Говорят, что тот, кто завладеет ей, сможет управлять не только людьми, но и процессами во вселенной, контролировать само пространство и время!

Внутри ракеты мы нашли пустой саркофаг и темпоральный портал, который использовался для возвращения в прошлое. Самого же посланника на месте не оказалось.

Скрыв свое удивление, девушка с серьёзным видом принялась обследовать корабль, копаться в каких-то приборах, анализировать данные с компьютеров, я же, от нечего делать, бесцельно слонялся в пространстве пыльных интерьеров.

В какой-то момент мой взгляд упал на стеклянный шар, расположенный в одной из ниш корабля. Мне пришло на ум, что где-то я уже видел подобный предмет. Немного поразмыслив, удалось вспомнить, что точно такой же шар укатился от меня за приборную панель в момент гибели корабля Авроры. Тогда мне захотелось поскорее взять его в руки и рассмотреть содержимое под прозрачной оболочкой.

Внешне он напоминал «снежный шар». Да-да, популярный сувенир, аналогичный тому, что не далее, чем на прошлое рождество я подарил своему учителю преподобному профессору Пуассону. Подобные подарки пользовались большой популярностью на «Новом Эдеме». Несмотря на отсутствие снега на планете, у монахов снежный шар вызывал архаичную ностальгию по древней родине.

Тот, что я взял сейчас в руки, был размером с крупное яблоко и располагался на круглой подставке. Внутри находилась вода, в которой вместо традиционного снега неведомый декоратор растворил черную жидкость наподобие чернил. Но был там и снег. Вернее, что-то очень похожее на снежинки, светящиеся изнутри.

Я пригляделся повнимательнее и понял, что неизвестный мне мастер воссоздал кусочек космоса, в котором, как в безвоздушном пространстве, плавали галактики, звезды и туманности. Стоило встряхнуть шар и все светящиеся точки забавно перемешивались. Я проделал это движение несколько раз, пока ко мне не подскочила взволнованная Аврора.

– Что, ты делаешь, прекрати немедленно! – Строго выпалила девушка.

Я не понял мотивов ее беспокойства, но на всякий случай встряхивания остановил.

– Ты знаешь, что предмет у тебя в руках – это темпоральная константа?

Аврора смотрела сейчас очень строго, и я вдруг подумал: «Может быть это и есть слепок нашей вселенной?» Холодный пот выступил у меня на лбу от мысли, что я случайно перемешал мироздание.

– Ты чего? – удивилась она моей реакции.

– Это копия вселенной твоего времени? – спросил я прямо.

Девушка обнажила аккуратные белые зубки в прекрасной улыбке, давая мне понять, какую ерунду я только что сморозил.

– Какой ты наивный. Ты правда решил, что эта рождественская декорация является нашей вселенной в миниатюре? – сказала она, не сдерживая смех.

Я смутился, выдавил кривую улыбку в ответ и еще пару раз потряс странную безделушку, как бы говоря девушке, что все нормально, и у меня хорошее чувство юмора.

– Но что же это тогда? – решил я на всякий случай прояснить этот момент, продолжая трясти шар.

– О, не волнуйся! Это всего-то на всего невероятно технологичное и чрезвычайно хрупкое устройство, от точности

настройек которого зависит смогу ли я или нет отправиться в прошлое! – произнесла она скороговоркой.

Я ужаснулся, а веселая девушка залилась задорным смехом.

От греха подальше я аккуратно поставил предмет на свое изначальное место и отошел от опасной игрушки. Про себя же я решил больше никогда не связываться со «снежными шарами», мало ли, может они и вправду являются кусочками каких-то параллельных миров.

Аврора успокоила меня, сообщив, что без специального квантового воздействия невозможно ни повредить, ни воспользоваться темпоральной константой, а затем вернулась к своим заботам космической всезнайки. Я же продолжил свою экскурсию, но с гораздо большей осторожностью, чем прежде.

Когда она закончила изучать ракету, недоумение читалось на лице девушки.

– Не понимаю! Какая-то суцая ерунда! – произнесла Аврора озадаченно. – Я проверила память корабля, и бортовой компьютер сообщил, что кроме нас здесь никогда никого не было! – она выглядела растерянной. – Кроме того, полностью отсутствуют упоминания о его пассажире! А если никто не отправлялся в будущее, – продолжила девушка свои рассуждения, приводящее ее к странным выводам, – то и некому было возвращаться! – задумчиво подытожила моя спутница.

– Но кого ты искала на этом корабле? И откуда знаешь о его местонахождении?

Мой вопрос вогнал Аврору в ступор.

– Я не могу вспомнить! Я просто забыла, и все! Знаний Ари недостаточно, чтобы пробудить мои личные воспоминания.

Но Аврора не была бы Авророй, если бы не обладала удивительной особенностью, которая каждый раз заставляла меня настораживаться. Ее настроение могло моментально меняться вслед за ее мыслями. И сейчас она также внезапно, как и раньше, изменившись в лице, радостно выпалила:

– Зато есть, и хорошая новость! Этот корабль полностью исправен! И я смогу вернуться на нем к отцу! Лицо девушки светилось нескрываемой радостью, а лучезарная улыбка гуляла по устам.

– И что ты собираешься делать дальше? – в моем голосе послышалась тревога, я начал опасаться, что девушка решит покинуть меня.

Аврора задумалась:

– Помощи ждать неоткуда, – начала рассуждать она в слух, расхаживая по кабине. Лицо ее сделалось серьезным и от этого показалось мне еще прекраснее. – Прошло много времени, а время меняет все. Наши друзья могли стать врагами, а союзники предателями, – девушка повернулась ко мне и нравоучительно произнесла, – первое правило посланника гласит, «в будущем ты одинок», доверять нельзя никому.

– Ты можешь доверяешь мне! – выдал я неожиданное признание, и чувство смущения залило меня изнутри.

– Буду с тобой откровенна, – хладнокровно ответила Аврора на мой благородный порыв. – Ты помогаешь мне, и поэтому мы сейчас вместе. Еще ты спас мою жизнь, и за это я тоже благодарна. Прости, но кроме этого я ничего не знаю о тебе, твои цели мне неизвестны. На нас, «посланников», возложена крайне ответственная миссия, поэтому, если того потребуют обстоятельства, мне придется уйти! – посмотрев на меня, поникшего от ее строго голоса, она наконец смягчилась: – Хочется верить тебе, но в твоих глазах ничего нельзя толком прочесть... Ты должен быть честным со мной, а иначе моё спасение окажется напрасным, – ее голос сделался печальным, и мое сердце наполнилось невообразимой любовью к этому нежному, хрупкому и в тоже время такому решительному и смелому созданию.

Мне тоже хотелось верить, что со мной ей будет лучше. Одна в новом неизведанном мире, полном опасности, – не лучшее положение для молодой девушки. А я мужчина, это все-таки мышцы, сила – не самое очевидное преимущество в космосе, но все же. А еще у меня хорошая интуиция – пока мне везет. Сложив все за и против, я подумал и произнес следующее:

– Сейчас я скорее всего стал вне закона, – начал я сбивчиво. – С приспешниками пророка у меня, как и прежде, не ладится, а мои союзники из корпорации простят мне побег

только в случае, если я выдам тебя. Мне бы не хотелось этого делать, поскольку ты ... такая ... необыкновенная, что ли, – я почувствовал, как краска залила мое лицо. – А еще ты мне просто симпатична, – выпалив это, я больше не в силах был взглянуть на нее и поэтому усталился себе под ноги. – Теперь мне идти некуда, – последнее признание прозвучало как-то слишком печально, поэтому я собрался, как мог, с духом и решительно произнес: – Готова ли ты принять меня в качестве спутника и проводника в новом мире?

Она задумалась, а потом некоторое подобие улыбки появилось у нее на лице:

– Конечно, мне была бы полезна и, наверное, приятна твоя помощь, но как далеко ты готов зайти?

– О, я готов идти до конца! – ее вопрос привел меня в неопиcуемый восторг. В тот момент я действительно был готов буквально на все, чтобы еще хоть немного оставаться рядом с ней.

– А если это потребует покинуть привычное тебе время и отправиться в прошлое? – девушка посмотрела на меня испытывающе.

Я попытался вспомнить, что меня здесь держит, перечисляя в уме всех дорогих мне людей. Их оказалось не так много: профессор Пуассон, Барс, бригада моих рудокопов на дальних приискаx, друзья по академии, судьба которых была мне сейчас неизвестна – других близких людей у меня не было, возможно потому, что большая часть моей жизни бы-

ла лишена воспоминаний.

– Да, – ответил я, наконец определившись, – к этому я тоже готов!

– Тогда, старший помощник капитана, добро пожаловать на Obelus-112! – сказала девушка сдержанно, но легкую улыбку при этом утаить не смогла.

Она активировала двигатели корабля, и древняя многоразовая ракета, оторвавшись от холодной поверхности астероида, поползла навстречу черному небу.

Сейчас мое будущее казалось мне совершенно неопределенным, и только предчувствие грандиозного приключения наполняло сердце радостным воодушевлением. Поднимаясь над холодным камнем, я поклялся впредь везде следовать за этой девушкой. И хотя мне казалось, что сегодняшней день был одним из самых удивительных в моей жизни, я даже представить себе не мог, какие тайны вселенной откроются предо мной в ближайшем будущем.

Выйдя на орбиту, мы находились в состоянии предстартовой подготовки, прокладывая маршрут до «Нового Эдема», когда корабли МТК и инквизиции практически одновременно вынырнули из подпространства. Три боевых фрегата корпорации и один галеон инквизиторов с разных сторон приближались к нашему маленькому суденышку, дрейфующему в безбрежном океане космоса. Я подумал, что наверняка им придется схватиться за добычу, и в этот момент можно по-

пробовать улизнуть, но шансов было очень немного.

На первый взгляд казалось, что исход боя очевиден с количественным перевесом. Корабли корпорации имели серьезную броню и десятки пушек на борту. Но нельзя было недооценивать инквизицию. Они хранили технологии старого мира и могли внезапно прибегнуть к тактическим хитростям предков. Так они, впрочем, и поступили.

При приближении кораблей МТК инквизиторы активировали поле Белла, и невидимое однородное желе заполнило пространство, парализовав наш корабль и корабли противника. Желе – особое состояние темной материи – вызывало замедление времени в области его применения. Повинуясь его воздействию, корабли МТК застыли на месте как вкопанные. Пущенные ими в галеон снаряды замедлили свой ход так, что казалось, будто они висят на одном месте. Замер в свою очередь и галеон инквизиторов.

И тогда инквизиторы выпустили «кротов» – небольшие десантные капсулы, имеющие иммунитет к растяжению пространства-времени. Прогрызая поле Белла, они зигзагами устремились к кораблям корпорации, чтобы доставить на их борт закованных в броню элитных воинов инквизиции. На наших с Авророй глазах разворачивалась картина космического абордажа, и мы заворуженно смотрели, как движутся эти странные создания, пока не осознали, что один из «кротов» повернул в нашу сторону.

Я посмотрел на девушку, а она посмотрела на меня. Мы

без слов поняли друг друга. У нас не было иного пути, пришло время бежать в прошлое. Ее взгляд как бы спрашивала меня: «Не изменились ли твои намерения, все также ты готов последовать за мной, хватит ли у тебя духу отправиться в прошлое?»

Как бы отвечая на её мысленный вопрос, я подошел к порталу и встал с ней рядом, и тогда Аврора активировала процесс возвращения. Теперь она была полна решимости и в то же время выглядела хрупкой и незащитной. Стоя лицом к лицу с вселенским горнилом, которое уже затевало свои термоядерные пляски, моя спутница наблюдала, как языки пламени, вырвавшиеся из жерла гигантской космической печи, начали пожирать этот мир, и я видел в ее черных глазах отражение мирового огня. Лоскутки пространства и времени, как кожа мироздания, сползали с экрана, сгорая и обнажая перед нами безбрежное небытие.

6. Хранители времени

2134 год от Р.Х. Пояс астероидов.

Когда всеобщее ничто поглотило видимый космос, я стал свидетелем зарождения нового мира. Ощущение божественного вмешательства не покидало меня до самого конца. Не было сомнений, что кто-то предельно мудрый, всезнающий и всемогущий, благосклонно позволивший мне, простому смертному, прикоснуться к чему-то удивительному и великому, стоял за этим грандиозным светопреобразованием,

Краем глаза мне было видно, как яркие всполохи пламени иногда очерчивают гордый силуэт моей спутницы. Она стояла рядом словно юное, нетронутое божество, созданное тысячами серафимов, подобно отблеску таинства мироздания, сконцентрированного в идеальной форме самовыражения.

Влекомый ее красотой и загадочностью, я в то же время больше всего на свете боялся прикоснуться к эфемерному хрупкому телу девушки, опасаясь разрушить прекрасную иллюзию. Мне казалось, что внезапно чудесное видение может исчезнуть, а происходящее стать не более чем плодом моего, затуманенного мечтами об вселенском идеале, воображения.

Сначала на чистом листе небытия возникла и расши-

рилась точка сингулярности. Со стремительной быстротой она стала увеличиваться, разбрасывая мельчайшие струнные объекты мироздания: кварки и глюоны. Они разлетались, подгоняемые гигантскими температурами и плотностями первородного бытия, а вдогонку за ними устремились гравитоны, виновники последующего образования массивных звёзд и чёрных дыр.

– О, я это знаю! Это же Божественный толчок! – сказал я, пораженный масштабом картины. – Господь только что вдохнул искру в небытие.

– У нас говорят по-другому, – замороженно шептала Аврора, не отводя взгляда от яркой картинки, – раньше этот процесс называли Большим взрывом, сейчас же – первичной квантовой флуктуацией. Но это, конечно, кому как нравится, – девушка улыбалась мне, и в ее глазах заплясали отраженные языки пламени.

Я наблюдал, как постепенно, остывая и расширяя свои границы, протовселенная начала терять свою изначальную динамику. Колоссальные скорости первородных частиц замедлялись, позволяя им объединяться в более тяжёлые образования первичной материи.

– Смотри! – восхищенно восклицала Аврора, обращая мое внимание на некоторые детали процесса. – Сейчас произойдет рождение самых ярких антагонистов нашего мира.

Она пояснила, что у каждой частицы есть свой антипод: у протона антипротон, у нейтрона антинейтрон, у позитро-

на электрон. Находясь в состоянии непримиримой вражды и не имея ни желания, ни возможности сосуществовать в единой вселенной, они отчаянно сходятся друг с другом в предсмертном танце, разменивая свои короткие жизни на бесконечно струящееся и бессмертное реликтовое излучение.

Прошло еще несколько секунд и материя, наконец, смогла победить свою противницу антиматерию, загнав ее в бесконечное море Дирака, самоутвердившись единоличной и полноправной хозяйкой нашего мира.

– Представляешь, – между тем шутила девушка, – антиматерия – это как материя со знаком минус. Если бы победила она, то пред тобой сейчас стояла анти-Аврора, точно такая же по сути, но загадочно другая по содержанию.

Процесс столкновения Авроры и Анти-Авроры моя спутница назвала аннигиляцией:

– В этот момент выделяются колоссальные объемы энергии, почти в сотню раз больше, чем при термоядерном синтезе, – восхищенно говорила девушка, – это чистое уравнение Эйнштейна!

Я не знал, кто этот человек со странной фамилией, но не прекращал восхищаться тем энтузиазмом, с которым она описывала происходящее.

– В начале рождения вселенной все антивещество исчезло, но спустя миллиарды лет наша цивилизация научилась синтезировать его вновь, – продолжала между тем она. – В этот момент звезды сразу стали ближе к нам. Это, конечно,

метафора, звезды остались на месте, но водородно-антиводородные двигатели разогнали наши корабли до невиданных доселе скоростей... – девушка оборвала рассказ на полуслове, обратив мое внимание на следующую важную метаморфозу, – а вот сейчас смотри-смотри! – ликовала Аврора. – Замечательный будет момент! Произойдет рождение первого атома.

Теперь мы наблюдали за тем, как температура вселенной снизилась настолько, что стало возможным образование самого простого и элементарного атома – водорода. Пользуясь своим перворождением, он утвердился в качестве доминантного строительного кирпичика по всей вселенной, оставив всему последующему многообразию своих более тяжелых и сложных сородичей лишь малую долю материального мира.

– Во вселенной гигантские запасы водорода, все звезды и газовые планеты состоят из него, – комментировала Аврора, – в светилах огромные давления воспламеняют термоядерные реакции, и к ним не подобраться, поэтому мы добываем водородное топливо для своих кораблей из газовых гигантов типа Юпитера или Сатурна, – подытожила девушка.

Между тем, закручиваясь в немыслимые разноцветные спирали, образуя водородные облака и пылевые кольца, вселенная росла. Мы увидели, как внутри газовых туманностей возникли локальные точки вращения. Еще секунду, и внезапно сила притяжения стянула их к единому центру и зажгла термояд.

– Это образовались звезды! – комментировала прекрасная посланница, указывающая на возникающие то тут, то там сияющие точки.

Еще доли секунды, и теперь уже они крутились десятками и тысячами, то разлетаясь в разные стороны, то собираясь в гигантские хвостатые спирали, все быстрее уносящиеся от незримого центра, увлекая за собой мириады тяжелых частиц и газов. Галактики с населяющими их миллионами звезд разбежались по всему обозримому космосу, и вот уже новая вселенная заполнила собой все видимое пространство.

Перед нами крошечным шариком зажглось солнце. Теперь мы наблюдали, как облака тяжелых частиц, вращаясь вокруг него, стали стягиваться в осязаемые грозди астероидов. Кружась и сталкиваясь, они прирастали друг к другу, слагая космические объекты все больших и больших масштабов. Марс, Земля, Юпитер – все остальные планеты сплелись в аккуратные плотные шарики. После этого печь мироздания замедлила свою работу, и в следующее мгновение все прекратилось. Космос застыл, а планеты безмятежно покачивались на своих орбитах. Календарь на темпоральной панели показывал 2134 год, мы переместились на девяносто шесть лет в прошлое.

В тот же самый момент большой белоснежный корабль появился из подпространства, и буквально сразу же неведо-

мая сила начала притягивать наш обелиск к нему. Поначалу я испугался, что мы попали, как говорится «из огня да в полымя» – избежав одних преследователей, встретились с другими. Но эмблема с песочными часами на его борту сообщила о том, что скоро я увижу знакомых Авроры.

Когда мы спустились на палубу, на встречу к нам уже шли трое. Возглавлял шествие старец. Седина редеющих волос обрамляла его высокий блестящий лоб, а огромная белоснежная борода тянулась до самого пояса. На его лице виднелись древние застывшие морщины, и только живые задорные глаза блестели сквозь амбразуры тяжелых старческих век. Заметно было, как они внимательно и с любопытством изучали нас по мере приближения.

Одетый в серебристую киборг-кольчугу, и накинутый поверх нее белый плащ, старик двигался не слишком уверенно. Подволакивая правую ногу и иногда теряя равновесие, он опирался на плечо своего спутника. Но его хромота была лишь досадным физическим дефектом, никоим образом не связанным со старческой немощностью. Наоборот, та выправка и то нетерпеливое стремление, толкающее его фигуру в нашу сторону, обличали в нем человека по-юношески энергичного.

Его спутник, к плечу которого старец иногда обращался за помощью, мог бы быть моим ровесником. Вероятно, этот человек выполнял в этом шествии роль помощника и всем своим видом старался уйти на второй план, предлагая со-

средоточить внимание на персоне старца. Но мне почему-то запомнилась его высокая худощавая фигура и разрез холодных голубых глаз. Я обратил внимание на то, что он, стараясь быть услужливым для своего патрона, в то же время делал это как-то небрежно и отстраненно.

Напротив, воин, идущий по правую руку от старца, в сверкающих латах киборгкостюма и с густой бородой черного цвета, шествовал вызывающе гордо. Высоким ростом, осанкой и всем своим торжественным видом он призывал наблюдателя обратить на него особенное внимание, восхититься его могуществом и бравурной красотой. Но иногда, увлекшись своей грациозной походкой, он обнажал свою заботу о старике. Как бы одергивая себя и искоса посматривая на своего патрона, воин интересовался, все ли у того в порядке, и не нужна ли его наставнику помощь.

Когда они приблизились на достаточное расстояние, Аврора представила нас и спросила, кто они.

– Мы называем себя хранителями времени, – в очередной раз оглядев нас оценивающе, ответил старец. Голос его был хрипловат, но изобиловал сильными интонациями. – С самого основания проекта «Пророк» мы являемся его защитниками, храним карту обелисков и помогаем посланникам.

Я уже было открыл рот, десятки вопросов, вертевшихся у на языке, были готовы сорваться с него, но старец опередил меня:

– У нас не так много времени, но все же давайте не будем

торопить события, вы наверняка устали с дороги, так окажите нам честь, испытайте наше гостеприимство. А на все вопросы мы ответим чуть позже.

Общее состояние радушия и доброжелательности, исходящее от него, успокоило меня. Нас проводили в удобные каюты, где мы смогли переодеться и подготовиться к ужину, а после еды удобно расположились в гостиной, где старец и начал свой рассказ.

– Меня зовут Авитан Аргос, а моих спутников – Макмен и Ньютон!

При этих словах Макмен грациозно поклонился и снабдил каждого из нас широченной улыбкой, Ньютон сделал сдержанный кивок головой в нашу сторону.

– Я верховный хранитель времени, – продолжил свой рассказ старик. – Мы знаем, откуда вы прибыли. Теперь, когда вы слегка отдохнули после странствий и, надеюсь, вдоволь удовлетворились нашим гастрономическим гостеприимством, позвольте мне в двух словах рассказать о проекте «Пророк».

Он не спеша оглядел собравшихся, выдерживая паузу, чтобы привлечь максимум нашего внимания. Не встретив возражений, Авитан Аргос приступил к своему рассказу.

– Как вам известно, в нашем прошлом человечество достигло невероятных высот во всех областях познания вселенной, – начал он. – Наши ученые понимали, что пришла

эпоха ошеломляющих открытий, которые могут ввести цивилизацию в стагнацию, упадок и даже полностью разрушить. Понимание их последствий оставалось за гранью возможностей человеческого прогнозирования, и чтобы избежать подобных рисков, был основан «Пророк».

Ключевым звеном в его работе стали посланники. Их корабли разлетелись по солнечной системе, спрятав своих обитателей на необитаемых космических телах. Для всех, кроме нас, их расположение и по сей день остается в тайне. Мы же, в свою очередь, являемся единственными обладателями карты этих мест, так называемой «карты обелисков».

Старик перевел дух, набрал побольше воздуха в старческие легкие и продолжил рассказ с новой силой.

– К сожалению, в настоящее время «Пророк» перестал работать так, как его задумывали отцы основатели. Страшные катаклизмы, вызванные действиями ученых, разразились на Земле в последние годы, но посланники, способные предупредить нас об этом заранее, перестали возвращаться. Вероятнее всего, в этом замешаны главные противники «Пророка» – партия естественно течения времени, сокращённо именуемая СЕТ. Они стремятся всячески помешать проекту и его посланникам.

Старец задумался, с тоской вспоминая былое:

– Когда-то хранители и сети были заодно, – произнес он с ноткой ностальгии. – В те времена мы действовали рука об руку, и у нас были общие цели, но затем наши пути серьёз-

но разошлись. Сегодня мы считаем, что посланники – единственная надежда угасающего мира, и надо во что бы то ни стало защитить детей «Пророка», сеты же верят в обратное, взваливая на плечи «Пророка» груз ответственности за беды человечества.

Закончив вступительную речь, Аргос от общего повествования перешел к конкретным наставлениям:

– По отношению к сетам вам стоит быть предельно осторожными, – предостерег он нас. – Каким-то неизвестным мне способом они с удивительной точностью предугадывают наши действия. Я даже предполагаю, что в наших рядах мог завестись предатель.

Старец испытывающе оглядел присутствующих. Его пристальный взгляд вызвал смятение в сердцах собравшихся и породил полнейшую тишину. Но возникшее напряжение своим вопросом сняла Аврора:

– Аргос, скажите, почему посланники больше не возвращаются?

– Моя хорошая, нам это неизвестно! – он виновато посмотрел на девушку, а затем добавил. – Но смею тебя заверить, что возможность узнать у нас это есть, – в его глазах заблестел свет надежды. – По крайней мере, один из посланников все же вернулся, и именно он предупредил нас о вашем прибытии.

– Это по его просьбе вы оказались здесь? – уточнила удивленная девушка.

– Да, именно так, дитя мое! – в обращении старца к Авроре чувствовалась отеческая забота.

– Но почему он сам не остановил катастрофу? – спросил я.

– По всей видимости, у него это не вышло, – произнес Аргос. – Чтобы заставить людей отказаться от тех или иных намерений, порой недостаточно просто заявить им об этом. В одиночку таинственный посланник не в состоянии что-либо изменить, он хочет, чтобы вы помогли ему.

– И что же мы должны сделать? – в голосе девушки слышалась решимость.

– Отправиться еще глубже в прошлое!

– Но кто же тот таинственный посланник, о котором вы говорите? – спросил я поспешно.

– Быть посланником в нашем мире весьма опасно, – произнес Аргос. – По всей видимости, опасаясь за свою жизнь, он решил действовать инкогнито. Этот человек оставляет нам сообщения, пряча их во времени и пространстве, но кто он такой, на самом деле нам не известно!

Я заметил, что Аргос все чаще и чаще поглядывал на часы, висящие в каюте.

– Если вы доподлинно не знаете его намерений, – спросил я, – как же можно тогда ему доверять?

– На ваш вопрос есть очень простой ответ – мы доверяем посланнику, потому что вы сейчас стоите предо мной. Таинственный посланник с абсолютной точностью предсказал ваше появление.

Мы переглянулись с Авророй. Путешествия во времени преподносили все больше и больше сюрпризов. Получалось, что кто-то задолго до нашей встречи знал о нашем прибытии. И это несмотря на то, что прошло всего лишь пара суток с того момента, как я впервые познакомился с прекрасной посланницей.

– Вы сказали, что он знает о нас все, может быть, он что-то знает и о моем отце? – добавила девушка.

– Думаю, что это будет последним вашим вопросом, – внезапно изменившись в лице, заметил старик. Все это время он все так же украдкой поглядывал на часы.

– Но подождите! – меня встревожила его поспешность. – У нас есть множество других не менее важных вопросов!

– Время поджимает, – произнес старец устало, потом добавил тоном, не предполагавшим возражений. – Я успею ответить только на один вопрос, который задала девушка. – Я очень хотел возразить, но не мог перечить этому внушающему почтение хранителю. – Отец очень рассчитывал на твое возвращение, и это было его главной ошибкой, – продолжил старец. – То, что ты не вернулась, стало верным подтверждением слов его противников – «Пророк» создает лишь – бесполезные затраты и сеет ненужные надежды. Люди отвернулись от него, и он вскоре твой отец был предательски убит, – при этих словах Аврора всхлипнула, – это все, что я знаю!

Затем он, словно прикованный взглядом, уставился на старинные маятниковые часы, висящие на стене. И именно

в этот момент раздался взрыв.

– Точно по расписанию, минута в минуту! – сказал он, радуясь удивительному совпадению, а после пояснил нам причины своей загадочности, – сеты не заставили себя долго ждать! Как видите, они сами пришли ответить на многие ваши вопросы.

Гул начинал нарастать, что-то рушилось и взрывалось на нижних палубах. Корабль дрожал, а братья хранители отчаянно суетились у панелей навигации. Выражение их лиц ясно отражало грядущую катастрофу. После того, как очередной взрыв потряс мостик, Аргос повернулся к нам и сказал совершенно спокойно:

– Ну что ж, дорогие друзья, наша встреча оказалась не слишком продолжительной, но на это, как видите, были особые причины. Надеюсь, она осталась для вас полезной. Сейчас же позвольте мне откланяться и присоединиться к своим братьям хранителям в исполнении нашей последней миссии.

– Но что же теперь нам делать? – встревожилась Аврора его поспешным прощанием.

– Сейчас вам нужна карта обелисков. С этим вам поможет мой помощник, – седовласый старик указал на Ньютона, а тот в ответ слегка кивнул.

– И где же мы возьмем ее? – заинтригованно произнесла девушка.

– Сеты думают, что мы взяли ее с собой, чтобы передать

вам, но это не так! – старец хитро подмигнул Ньютону. – Летите на Юпитер, там вас встретит мой ученик, он и передаст карту вам, – голос его стал серьезным, он снова преобразился. – Только помните, у вас осталось мало времени, через несколько месяцев правительство Земли уничтожит наш мир. – Он пристально посмотрел на нас обоих. – И если вы не успеете получить карту, она погибнет вместе с нами, – старец подумал еще и добавил – Также не забывайте, что, сеты очень коварны, они непременно попробуют склонить вас на свою сторону. Не поддавайтесь их странным доводам.

В последний раз, оглянувшись на поверженный корабль хранителей, я заметил, что картинка космической битвы застыла, словно на зависшем экране монитора. По все видимости, кто-то из сражающихся сторон активировал поле Белла. Теперь наше преследование было исключено. Два корабля – черный сетов, названный «Чёрной материей» и белый «Предвестник бурь» хранителей – надолго останутся недвижимы.

Эмблемы, начертанные на их бортах, оказались очень схожими. Старик упоминал о том, что раньше они с сетами были единым целым, своеобразным инь и янь проекта «Пророк». Разница изображений состояла лишь в том, что часы на эмблеме хранителей были заполнены песком в своей верхней части, как бы символизируя предстоящее, возможность перемен и множественность течения времени, а на эмблеме

сетов песок заполнял собой нижний треугольник, что могло значить завершенность и единство времени.

Это навело меня на мысль проверить, в какой части часов был песок на костюме Авроры при нашей первой встрече. Чтобы узнать ответ, я обернулся в ее сторону, но, увы, сейчас девушка была одета в красивую белоснежную блузку, подпоясанную черным ремнем, а на пряжке красовался рассекаемый вертикальным лучом света обелиск – эмблема проекта «Пророк».

7. Игра в молчанку

2134 года от Р.Х. Планета Юпитер. Тайная база хранителей

По прибытию на секретную станцию хранителей ученик Аргоса Арон, невысокий светловолосый толстяк, спокойно выслушал известие о гибели наставника. На вид ему было около сорока, хотя, учитывая его упитанные формы, искусственно добавляющие годы, могло быть и меньше. Без лишних разговоров он повел нас в залу, где, с его слов, хранилась карта обелисков.

Войдя туда, мы ожидали наконец увидеть нечто необыкновенное: гигантское панно или космическую голограмму, но в помещении не было ровным счетом ничего. Пока мы с Авророй тщетно пытались отыскать в пустой комнате хоть какие-то признаки карты, Арон сходил куда-то и, вернувшись, протянул моей спутнице красный шарик на раскрытой ладони.

– Съешьте его! – подобно персонажу древней сказки, он настойчиво обратился к девушке, но она явно была не готова к подобному обращению.

– Что это? – недоверчиво спросила прекрасная посланница, брезгливо рассматривая круглый предмет.

– Карта обелисков, – флегматично сообщил Арон.

Мы с Авророй переглянулись. До нас стало доходить, что данная пилюля должна быть ничем иным, как химическим переносчиком информации. Но Авроре явно не понравился этот способ узнавать новое.

– А есть ли какой-то другой способ получить эти знания? – спросила она уклончиво.

– Если вы думаете, что я хочу вас отравить, то напрасно! – начал Арон несколько обиженно. – Хотя мне по большому счёту все равно, что вы думаете, я просто выполняю указания наставника, – его нижняя губа обиженно надулась, – кстати, напрасно погибшего из-за вас! – заключил он недовольно.

– Мы сожалеем, что так вышло... – сказала Аврора, оправдываясь, – но мы тут ни при чем, он сам отправился встречать нас. По большому счету, мы вообще как пешки в вашей непонятной игре, и вот вы еще пытаетесь что-то мне скормить подозрительное, – закончила она смущенно.

– Давай попробую я, а ты посмотришь, что произойдет! – протиснувшись между ними, мне удалось быстрым движением взял предложенный хранителем шарик и сунуть себе в рот.

Глупо было вот так неожиданно окочуриться в этом Богом забытом месте. Но мне, по большому счету, терять было нечего, я и так оказался непонятно где и непонятно зачем. Зато в моем жесте было что-то дерзкое и опрометчивое, мне казалось, что девушкам такое нравится.

Аврора не успела остановить мой внезапный порыв и теперь смотрела на меня с нескрываемым укором. В ответ на ее недовольный взгляд я начал строить гримасы, как будто корчусь от удушья. Она вскрикнула, но потом, увидев улыбку на моем лице, обиженно отвернулась.

– Теперь подождите пару минут, и вы будете знать все, – флегматично наблюдая за моим кривлянием, сообщил Арон.

Постепенно я начал ощущать некое беспорядочное брожение, как при алкогольном опьянении. И когда через некоторое время сознание стало проясняться, мне удалось лишь одной силой мысли проявить у себя в голове информацию о затерянных обелисках. Большинство из них находилось в пределах солнечной системы – красным значились погибшие, а синим те, которые еще только будут отправлены.

Оказалось, чертовски увлекательно вспоминать не свои воспоминания. Можно было как угодно обращаться с возникшими как бы из ниоткуда знаниями, например, соотнести положение кораблей посланников с известной звездной картой или мысленно проложить к ним маршрут. Я мог без труда получить имена и даты, связанные с их обитателями, а также события, побудившие их отправку.

Арон тем временем достал второй шарик и протянул его Авроре на своей морщинистой ладони.

– Арон, вы мыли руки? – сказала она с укором.

Хранитель, сообразив, в чем причина ее замешательства,

сходил и принес новую пилюлю в упаковке.

– Вы не подумайте Арон, я не брезгливая, но существуют элементарные правила гигиены: чистить зубы перед сном, мыть руки перед едой и так далее, – отчитала Аврора нерадивого хранителя по возвращению.

– Это он, – указала она на меня небрежно, – возможно, привык к подобным условиям на своих приисках, а мне очень не хотелось бы чем-то заразиться, – говоря это, девушка оглядела себя с ног до головы и брезгливым движением смахнула лишние пылинки, – Вы, Арон, мне кажется, из поколения квинкваджинты, – продолжила она наставляя хранителя, – поэтому должны были застать азиатскую пандемию. Странно, что она вас ничему не научила.

Аврора объяснила мне после, что в поколение квинкваджинты входили дети, родившиеся во второй половине двадцать первого столетия, которые еще могли помнить последствия действий арабских биотеррористов. Сама же она относилась к поколению сентума, рождённых в начале двадцать второго века. Пандемия распространилась в конце прошлого века после того, когда ученые придумали искусственный способ программирования человеческого белка через клетку вируса. К счастью, эпидемию вовремя предупредил посланник номер восемьдесят девять, но проблема эта еще долго освещалась в информационном пространстве Земли. После этого события многие люди просто свихнулись на вопросах гигиены. Остаточный эффект того помешатель-

ства присутствовал и в поведении юной Авроры.

Между тем Арон покорно потупил глаза, вспоминая события своей юности, и после, не сказав ни слова, протянул девушке пилюлю в упаковке. Аврора аккуратно взяла ее, не касаясь самого содержимого, приняла торжественную позу и произнесла следующую речь:

– Отец, мне придется поступиться нашими принципами, – обратилась девушка к невидимому собеседнику. – Ты бы точно не одобрил этого, но тебя больше нет рядом, поэтому теперь мне надлежит самой принимать решение. Надеюсь, папа, ты простишь мне этот шаг! – она с надеждой устремила глаза к потолку и победно заключила: – На что только не пойдешь ради спасения вселенной!

Закончив свой возвышенный монолог, девушка быстрым движением перевернула упаковку таким образом, чтобы, не дай бог, не коснуться ее содержимого и отправила шарик сразу в рот. Прodelав это, она закрыла глаза и замерла в ожидании. Я с любопытством наблюдал, как смешанные эмоции проступают на ее сосредоточенном лице. Когда Аврора становилась серьезной, то вертикальная складка появлялась между широкими черных бровей, что придавало ей особую сосредоточенную привлекательность.

– У тебя колело в животе? – спросила она настороженно после нескольких секунд ожидания.

– Нет, – ответил я, подумав, что Аврора, должно быть,

перестала на меня обижаться или забыла об этом. – Никаких болезненных ощущений у меня не было, как будто глоток виски сделал. Даже приятно.

Девушка опять прислушалась ко своим внутренним ощущениям, а затем обратилась к хранителю:

– В горле пересохло! Арон, принеси мне воды!

Арон в ответ покорно проследовал в соседнее помещение, исполнять ее просьбу.

– Как вы это только пьете! – возмущенно заметила посланница, тем временем размышляя над моим ответом.

– Ритуал красивый – стакан стеклянный, лед, плавающий в жидкости янтарного цвета, сначала обжигает в горле, а потом приятное тепло расходится по всему телу, – произнёс я мечтательно.

– Виски! – оборвала она брезгливо. – Вы еще дымить бы начали, как в средние века. – Это просто ужас был, – начала развивать она свое отвращение, – кальяны, папиросы, вапдевайсы. Ты знаешь, что в древности марихуану курили только трубадуры и хиппи, – произнесла она с нескрываемым презрением к описываемому процессу и его последователям, в то же время не обращая никакого внимания на путаницу в деталях и веках.

– Опиум у нас курят многие приспешники прорицателя, это считается нормально, еще кристаллы с порошком употребляют, – заметил я равнодушно.

Аврора была в ужасе от моего ответа. Она хотела наки-

нуться на меня, но в этот момент вернулся хранитель с водой. Он поднес ей стакан к губам, но вместо того чтобы выпить, девушка отпрянула в сторону. Аврора внимательно рассмотрела содержимое стакана, понюхала воду, и только после этого сделала несколько небольших глотков.

– Что? – сказала она, увидев, как мы с Ароном пристально за ней наблюдаем.

– Ничего, – ответили мы смущенно хором. Хранитель попытался ретироваться, но был остановлен Авророй, решившей выместить свое недовольство на бедном приспешнике.

– Ну, что ж, Арон, спасибо за здоровый и стерильный ужин. Не подскажите, сколько калорий было в вашей пилюле, не потолстею ли я от столь сытной пищи?

Арон, уловив сарказм посланницы, засуетился, приглашая нас к столу.

Аврора по привычке проверила все ингредиенты и содержимое своей тарелки самым тщательным образом и только после этого позволила себе прикоснуться к еде. После того, как мы поели, она обратилась к хранителю:

– Арон, вернемся к сетам! – произнесла она, расталкивая задремавшего на кресле после сытного обеда хранителя. – Нам важно знать твое мнение! Расскажи, что ты думаешь о них? Станут ли они нас останавливать или что там еще?

– Я думаю... я думаю... – начал тот, собираясь с мыслями, еще толком не проснувшись, не понимая, о чем идет речь

и смешно продирая маленькие глазенки своими коротенькими ручонками. Было заметно, что Аврора выдернула его из сладкой виртуальности, в которой он коротал послеобеденное время. Окончательно вернувшись к нам и видимо сообразив в чем смысл вопроса, хранитель закончил фразу: « ... Они не станут вас останавливать».

Мы удивленно посмотрели на него, а он добавил:

– Подумайте сами, – стал хранитель развивать свою мысль. – Они знали, где вы появитесь в нашем времени. По сути, вы были у них в руках, но они не пытались ни убить вас, ни схватить, а дали спокойно уйти. Разве это не странно?

– Естественно, они дали нам уйти. Их задержало поле Белла, – возразила Аврора.

– Да, я знал, что вы так скажете, уважаемая Аврора, но разве у них нет других кораблей, разве они не мастера шпионажа и преследования? Мне почему-то кажется, они хотят того, что раньше за ними никогда не водилось.

– О чем ты говоришь, Арон? – удивилась девушка.

– Они хотят, чтобы вы отправились в прошлое! – заключил хранитель, довольный собственной прозорливостью. – Да, это странно. Возможно, это всего лишь мои догадки, но я считаю, что впервые с давних пор мы с ними заодно!

– Напомни нам, Арон, а вы зачем хотите нас туда отправить? Очередное желание таинственного посланника? – грубо переспросила его девушка, но Арон, видимо, совсем не обиделся.

– Все верно, – подтвердил он добродушно.

– Тогда расскажи мне о нем подробнее, – потребовала она. – Тяжело плясать под чью-то дудку, не познакомившись с его намерениями. И, кстати, хватит спать! – она начала его расталкивать, потому что после каждой реплики хранитель норовил прикрыть глаза. – Нам определенно нужно знать, что делать дальше?

– Да-да, простите, вы абсолютно правы! Простите мою рассеянность! – как бы оправдываясь, затараторил Арон, собираясь с мыслями. – Тайнственный посланник хотел отправить вас на Землю, чтобы остановить ученых, – наконец пояснил он.

– Почему же он не сделал это сам? – допытывалась девушка.

– Посланнику не удалось убедить их прекратить работу, но он нашел человека, который сможет помочь вам это сделать.

– И кто же это такой? – создавалось впечатление, как будто Аврора пыталась хранителя своими вопросами, так властно она требовала от него ответ.

– Это Николас, руководитель проекта «Вирус жизни». – сообщил Арон. – Данные, полученные от тайного посланника, свидетельствуют о вероятном успехе вашей операции, но открыто действовать небезопасно.

– Мне кажется, вы опять хотите втянуть нас в какую-то опасную авантюру!

– Простите нас, Аврора, – продолжал оправдываться Арон, – но мы предусмотрели для вас всю необходимую маскировку.

– Пожалуйста, поподробнее, – повелевала девушка.

– Сейчас я передам вам поддельные документы, воспользовавшись которыми вы сможете попасть в охраняемый научный центр, расположенный на Гавайях. Все координаты и необходимые знания, а также контакты, по которым вы сможете связаться с нами в прошлом, мы загрузим сразу в вашу память, – говоря эти слова, хранитель достал еще две таблетки, похожие на те, что содержали информацию о карте, и протянул их нам.

Арон учился на своих ошибках, таблетки были в аккуратных герметичных упаковках, поэтому Аврора лишь на незначительную долю секунды замешкалась, сдувая пылинки с шарика, перед тем как отправить его в рот.

– Таблетки крайне удобны для передачи и хранения информации, – пояснил хранитель.

– Да, мы уже заметили, – вы двинуты на химии и фармацевтике! – грубо перебила его Аврора.

Арон несколько не обижался на резкие выпады посланницы в его адрес, он продолжал объяснять:

– Информацию, записанную на цифровом носителе, легко украсть или скопировать, а то, что вы сейчас узнали, уйдет с вами в могилу.

– В каком это смысле в могилу? – неожиданно встрепену-

лась девушка.

– В отличие от знаний, полученных через зрительный или слуховой аппараты, нейроны, содержащие данные из таблетки, снабжены смертельным вирусом, который активируется при попытке поделиться этой информацией с кем-либо еще. – Арон захихикал, довольный своей проказой. – У нас это называется «смертельное табу» или «игра в молчанку», – подытожил он самодовольно.

– «Игра в молчанку!?!» – повторила Аврора багровея.

– Ага! – ответил шkodливый сорокалетний проказник.

Но, говоря это, он, видимо, забыл, с кем связался.

– Я так и знала, что не надо есть эту гадость! – возмущенно сказала посланница. – Чувствовала же, что будет какая-нибудь подстава! Арон, это очень некрасиво с вашей стороны. Вы хотя бы могли нас предупредить об этом!

– Простите, посланница, но мы боялись, что вы откажетесь. Вы вон какая брезгливая, – заметил Арон в свое оправдание и съежился на кресле, но в его глазах еще плясали искорки смеха.

Аврора заметила это и распалилась еще больше:

– Я не брезгливая! Это элементарные правила гигиены, разве хранителей не учат этому? – девушка метала в него гневные молнии взгляда. – Можно мне теперь что-нибудь рвотное, хочу избавиться от этой гадости, пока не поздно.

– Уже поздно что-то менять, – пытаюсь успокоить ее сообщил Арон. – Сейчас вирус плотно интегрирован в ваш ор-

ганизм. И не стоит так сильно переживать по этому поводу. До того момента, пока вы не попытаетесь поделиться с кем-то секретной информацией, вы в полной безопасности.

– Арон, я вам припомню когда-нибудь эту гадость! – сказала расстроенная девушка. – Предупреждал же меня отец самым тщательным образом относиться ко всему, что попадает внутрь, – ее глаза заблестели от обиды.

– Аврора, прошу меня простить за эту выходку, – ему стало очень не по себе из-за ее реакции.

– Никогда, Арон! – отрезала Аврора его попытки к примирению, – Вы вторглись в святую святых – мой организм, и теперь вы несете личную ответственность за его сохранность.

– Хорошо, Аврора, пусть будет так. Я обещаю, что ничего плохого с вами не случится. Все же позвольте мне закончить мой инструктаж вашей миссии?

– Заканчивайте, Арон, но помните, – пригрозила она хранителю, – моя смерть ляжет тяжким проклятием на вашу душу, – девушка погрозила ему своим кулачком.

Арон выдержал паузу, пока та окончательно успокоится, а затем продолжил как ни в чем не бывало:

– Когда вы покинете наше убежище, отправляйтесь к обелиску, – здесь он произнес номер искомого обелиска, – когда вы найдёте его, он перенесет вас в нужный момент времени. По прибытию на место вам будет необходимо предъявить означенному ученому некоторые доказательства, под-

тверждающие опасность разработанного им вируса, – говоря это, он передал мне поддельные документы на имя некого Арсения Гейм. – Так вам проще будет попасть на конференцию, – пояснил конспирацию толстяк. – После того как учёный вам поверит, инсценируете несчастный случай в лаборатории, чтобы добиться закрытия проекта.

– А если он нам не поверит? – перебила его все ещё сердитая Аврора.

– Значит мой наставник погиб напрасно! – заключил Арон и печально потупил глаза. – В любом случае желаю вам удачи! На этом у меня все, – произнес он, видимо, переутомленный общением с девушкой. – С вашего позволения, мне надо возвратиться в виртуальность, меня там заждались мои партнеры, – и Арон совершенно спокойно прервал разговор, откинулся в кресле, его глаза закатились, и он погрузился в виртуальный псевдосон.

– Что ты думаешь об этих фармацевтах? – спросил я Аврору, иронизируя, когда мы остались наедине. – На мой взгляд, они твердо взяли нас в оборот, может быть, мы даже станем героями-спасителями вселенной, если продолжим следовать их линии, а может, самозабвенно канем в небытие, как сегодня этот пенсионер и его рыцарь-нарцисс.

– Не думаю, что это смешно, – сказала девушка. – Я очень устала от этого всего и хочу пойти к себе, – она все ещё думала на то, как ее развели с пилюлей.

Я же не сдавался, сообщив, что если она останется здесь, я расскажу ей много интересного о своём времени. На мое предложение девушка ответила в том духе, что сказок ей на сегодня предостаточно, и она всё-таки пойдёт к себе. Но, уходя из комнаты, напоследок вдруг повернулась и одарила меня своим неожиданно нежным взглядом, пожелав доброй ночи.

8. Вирус жизни

конец декабря 2133 года. Земля, Тихий Океан, Остров Мауи, «Вилла науки»

«Приветствую вас в раю!» – сообщал нам первый рекламный плакат на подлете к научному центру. На следующем красовалась улыбающаяся голографическая девушка в красном бикини и шапочке Санта-Клауса. Под ее загорелой фигуркой была надпись: «С наступающим 2134 годом!». Она помахала нам рукой, провожая на посадку.

Наш корабль дугой прошелся над водой, такой прозрачной и голубой, что на ходу хотелось прыгнуть в ее сверкающие брызги и прохладу. До горизонта, туда, где виднелся одинокий столбик маяка, протянулся пляж с белоснежным, как сахар, песком и грядой пальм, широких и мохнатых. Их толстые листья, напитанные влагой и солнцем, сверкали зеленым гляncем. За ними в дымке низко висящих облаков поднимался силуэт двух сросшихся вулканов, с незапамятных времен украшающий местный океанический пейзаж.

Мы приземлились на острове Мауи у виллы, террасами ухоженных крыш и переходов уходящей к морю, стеклянные двери которой гостеприимно отворились, и люди в белых халатах, одетые поверх дорогих костюмов, вышли к нам навстречу.

Первый, кудрявый, казался гигантского роста и недюжинного телосложения. Я сразу определил в нем Николаса Патероса. Николай был потомственный грек, возглавляющий на Мауи научную лабораторию. С первого взгляда поражало несоответствие его реального, известного мне из досье хранителей, возраста и внешнего вида. По данным хранителей, ему было за шестьдесят, но вся его внешность как бы свидетельствовала в пользу достижений современной медицины. Он улыбался белоснежной улыбкой и махал нам широкой рукой, поправляя густые черные кудри, спадающие на вспотевший от жары и волнения лоб. Его кожа была гладкая и бархатистая, а цвет лица здоровый и розовый, как у младенца. При всем своем желании я бы не дал ему больше тридцати. Впрочем, я уже начинал привыкать к удивительному долголетию обитателей этого мира.

– Приветствую вас в раю! – обратился он к нам, цитируя надпись с плаката. – Меня зовут Николай, я возглавляю проект «Вирус жизни», и мне доставит большое удовольствие, если вы не откажетесь посетить мою презентацию.

Он протянул мне руку, но внезапно легкая тень замешательства появилась на его лице. Каким-то бесконтрольным движением ученый попытался отдернуть ее обратно. Затем, видимо смутившись своей реакцией и отогнав странное видение, расплылся в еще более приятной улыбке и с радостью затряс мою ладонь.

Мы с Авророй представились под фальшивыми имена-

ми и охотно подтвердили наше присутствие. Обменявшись парой дежурных фраз, ученый откланялся, отправившись встречать вновь прибывающих гостей, после чего охрана, проверив данные, пропустила нас внутрь виллы. В этот момент я подумал, что конспирация хранителей действует безупречно.

Внутри было прохладно, работали кондиционеры. Народ потихоньку прибывал, и, чтобы скоротать время до начала выступления, мы с Авророй решили осмотреться.

Надпись на постере, украшающем рекламную стену посреди фойе, гласила:

«29 декабря 2133 года в 11 часов в конференц-зале «Виллы Наук» начнется симпозиум, посвященный новейшей разработке компании Кемикал Бразерс. Гвоздем программы будет выступление руководителя проекта «Вирус жизни» Николаса Патероса, который поделится с нами своими феноменальными открытиями в области медицины долголетия». По окончании мероприятия перерастет в вечеринку на тему наступающего Нового года. Напитки и закуска – бесплатно!»

На красном фоне рядом с елкой и в костюме Санта-Клауса была фотография самого Николаса, который жизнерадостно улыбался наблюдателю, поднимая вверх бокал шампанского.

Мы прошли дальше и оказались в просторном фойе, стены и потолок которого были окрашены лаконичной белой краской. В углу помещения располагался такой же бело-

снежный рояль, по моим скромным предположениям, родом из девятнадцатого века. Правее изящная винтовая лестница без опор поднимала жильцов виллы на второй этаж, туда, где, вероятнее всего, находилась хозяйская зона. В качестве предостережения от любопытных глаз между перил была натянута красная ленточка с табличкой, гласившей «прохода нет». Рядом с лестницей, в центре помещения возвышалась пушистая новогодняя ель, украшенная красными и серебряными шарами. Я обратил внимание, что это была та же самая ель, что и на фотографии с постера. На этих островах хвойное дерево казалось неуместным среди пальм и летнего зноя, но дань рождественским традициям неукоснительно соблюдалась и в этом обществе.

Все убранство интерьера было залито солнечным светом, проникающим в прохладу помещения сквозь тонированный витраж, выполненный из единого цельного стекла. Широкие тени от пальмовых листьев, свободно гулявшие по внутреннему убранству, навевали какие-то неясные воспоминания из детства. Память не предлагала мне никаких подробностей. Перед моим мысленным взором возникла залитая ярким солнечным светом картинка погожего летнего дня, наполненная запахом соленого ветра и вечно движущихся пятен теней от гигантских деревьев.

Тени продолжали скользить по лицам людей, а гомон их голосов уносил мои мысли далеко на берег моря. Я закрыл глаза и вдохнул полной грудью соленый запах детства. Нахо-

дьясь на границе между сном и явью, словно вспоминая отголоски забытого сна, мне привиделось, что я когда-то уже был в этом доме.

Мы с Авророй не спеша перемещались дальше от входа, когда увидели слева дверь в большое просторное помещение с сильно затемненными окнами и приглушенным светом ламп. Там стояли два десятка рядов кресел, многие из которых уже были заняты посетителями. Кресла были обращены к небольшой сцене, где, по всей видимости, через некоторое время должна была начаться презентация.

Противоположная от входа сторона фойе была также полностью стеклянная. За ней располагался уютный внутренний дворик, в котором в тени старинных каштанов сидели несколько компаний ученых и о чем-то неспешно беседовали.

В центре двора, источая живительную прохладу и обдавая прохожих взвесью из мельчайших брызг, по замыслу неизвестного архитектора был установлен изящный фонтан. Минував его, мы направились в самый дальний и неприметный угол двора. Еще издали я заметил здесь обычную деревянную лавку, расположенную под старым деревом. На фоне идеально подогнанных линий и стыков пластика, стекла и бетона, из которых по большей части состояла вилла, лавочка выглядела простой и неказистой. Напечатанные на гигантских принтерах дома будущего не подразумевали руч-

ную работу. Все их детали, рассчитанные до миллиметра, были выполнены машинами в точном соответствии с проектными чертежами. Здесь же явно прослеживалось творческое отступление автора. Казалось, что некий столяр-самоучка самолично соорудил лавку из грубо отёсанной доски и вручную покрыл ее лаком. Она показалась мне единственным живым и настоящим предметом в окружении искусственных геометрий и форм, и, думаю, именно поэтому я интуитивно привел свою спутницу сюда – под сень древнего каштана.

Я провел рукой по шершавой поверхности, и мое внимание привлекли несколько неровных бороздок, выдавленных на дереве каким-то острым предметом. При детальном осмотре стали отчетливо различимы буквы А и А. Между ними стоял знак сложения, а после было выдавлено кривое сердечко.

У людей вокруг настроение было приподнятое, все ожидали чего-то значительного. Ученые постоянно перемещались от компании к компании, словно свободные электроны в кристаллической решетке металла. Они старались познакомиться с как можно большим количеством новых лиц, рассказывали друг другу смешные истории и просто обменивались доброжелательными взглядами.

Некоторые из них подходили и к нам, но мы с Авророй по возможности избегали их внимания, а при крайней необ-

ходимости ограничиваясь только дежурными приветствиями. Мне было неуютно в обществе незнакомцев чужой профессии из другого более прогрессивного времени. Я опасался, что кто-нибудь может случайно заговорить на тему, которую я, пришелец из темного будущего, к сожалению, не смогу поддержать. И тем самым выдам свою непричастность к мероприятию. Также причиной моей настороженности были слова хранителя, предостерегающие нас о присутствии на симпозиуме сторонников сетов.

После того, как в очередной раз я поймал на себе пристальный взгляд незнакомца, мои опасения усилились. В отличие от остальных ученых, он так же, как и мы, расположился в стороне от шумных компаний. Уже несколько минут этот человек внимательно изучал нас, и я подумал, что мой несколько ошарашенный вид или же наши с Авророй слишком старательные попытки избегать контакта с другими людьми возымели обратный эффект и, напротив, все сильнее и сильнее привлекают его внимание. Также мне показалось, что он принялся делать нам какие-то, но я умышленно продолжал не замечать его потуги. Когда наконец я почувствовал, что мужчина вот-вот поднимется и двинется в нашу сторону, то резко схватил Аврору за руку и поволок ее прочь.

– Пойдем отсюда, – сказал я ей, увлекая обратно к фонтану.

– Но... – только и успела обронить девушка.

Конечно, она удивилась столь поспешному бегству, но, доверившись моему чутью, не стала задавать лишних вопросов. Покинув внутренний дворик, мы направились напрямиком в зал, где без труда смогли затеряться на задних рядах, скрывшись в уже изрядно разросшейся толпе посетителей. Впрочем, нам повезло, как только мы оказались в зале, свет начал меркнуть, предвещая начало конференции.

Когда все собрались, приблизительно с опозданием на полчаса, симпозиум начался. Поначалу, как водится на подобных мероприятиях, было скучно. Первым на разогреве взял слово какой-то унылый профессор, который очень долго жонглировали непонятными фактами и вконец запутал публику своими пространными метафорами и ироничными отступлениями от темы. Он очень старался понравиться, но я, не сильно сведущий в науке, а тем более в столь продвинутых современных терминах, в итоге так и не понял, что он хотел донести. Впрочем, по всей видимости, таким был не я один. Его уход сопровождали слишком жидкие аплодисменты, звучащие скорее из жалости, нежели из почтения.

Затем вышел разодетый пижон, вся презентация которого сводилось к попыткам прорекламирровать свой странный метод изучения травоядных. Публика его выступление также восприняла прохладно.

После первых двух спикеров на сцену поднялся Доктор Дарвин, и мероприятие наконец оживилось. Он представил

свои необычные исследования, связанные с пробуждением разума у животных. Самым ярким в его презентации оказался видеоряд диалогов с кошачьими, сопровождавший его выступление. На экране по очереди появлялись группы, то из обыкновенных кошек, то пантер, то даже львов. Все они вполне себе по-человечьи отвечали на вопросы ученого. В этот момент я подумал лишь одно: «Зря с нами нет Барса. Эта презентация его непременно впечатлила и обрадовала!» Но у Барса не было должной конспирации от хранителей, поэтому он просто остался на корабле.

После анималиста выходили еще несколько товарищей, но все они не слишком соответствовали сложившемуся у меня образу учёных мужей и их научному методу описания предмета исследования. Я уже начал скучать и даже немного вздремнул, когда на сцену выкатился странный механический агрегат. По всей видимости, это была навороченная инвалидная коляска, на которой восседал обездвиженный человек преклонного возраста. Наверное, он являлся каким-то очень известным ученым, поскольку при его появлении аудитория просто взорвалась. Громкие аплодисменты наполнили собрание, а немощный спикер тем временем синтезированным компьютером голосом представил следующего оратора и его работу, назвав ее одним из самых прорывных научных и прикладных трудов настоящего времени. Вслед за его похвалой на сцене появился Патерос. Он взял слово и первым делом поблагодарил своего коллегу: «Больш-

шое спасибо, мистер Хоккинг, ваши тёплые слова для меня – лучшая награда за проделанную работу». После чего вежливо поклонился человеку в коляске и обратился к залу:

– Сейчас я хотел бы приоткрыть перед всеми собравшимися здесь сегодня уважаемыми членам научного совета, Академии наук и представителями правительственных фондов завесу нашего светлого будущего. Отдельное спасибо за визит хочу выразить Министру медицины и здравоохранения Эрин Бронкс и бессменному руководителю легендарного «Пророка» ... – имя которого нам не удалось расслышать из-за шумных аплодисментов наполнивших зал.

Наконец, аудитория стихла.

– Представьте себе жизнь в раю! – начал Николас восторженно, но тут же сбился: – А лучше нет, нет... – он замахал своими широченными ладонями. Вероятно, ученый посчитал, что такое абстрактное вступление не до конца отражает глубину и величие его открытия и решил поправиться. – Просто посмотрите по сторонам! – он развел руками, призывая собравшихся людей оглядеться.

Все покорно последовали его призыву. Стоит сказать, что помещение аудитории сильно выдавалось из тела здания и располагалось на небольшом выступе скалы, со всех сторон окруженной морем. Вид отсюда открывался отличный. После того, как Николас призвал своих слушателей осмотреться, электрохромные стены сделались полностью прозрачными, и ученые воочию узрели окружающий пейзаж острова.

Впереди до самого горизонта синел океан. По бокам белела прибрежная полоса, заросшая пальмами, а вдали возвышались горы. Все вокруг – вода, пальмы, солнце, песок – говорило о том, что за примером райского места больше нет смысла обращаться к воображению. Отсюда можно было любоваться красотами острова бесконечно, но Николас, опустив руки, снова привлек к себе внимание. Убедившись, что слушатели сполна подготовлены, Патерос продолжил:

– Да, теперь мы все живем в раю! – он говорил громко, делая глубокие паузы между предложениями. – Мы сделали это место воистину прекрасным, мы сделали его таким, что здесь хочется жить вечно! Но сегодня мне придется сообщить вам страшную тайну... – вдруг Николас перешел на шепот. – Представляете... мы все стареем!

Слушатели переглянулись. Сейчас они пытались понять, к чему клонит этот искусный актер, так артистично излагая столь банальные истины.

– Да, мы стареем! – повторил он, изобразив на своем лице гримасу разочарования. – И постепенно краски нашего мира начинают тускнеть, – вторя его словам, электрохромные стекла начали затемняться, погружая аудиторию во мрак. – Но мир снаружи остается прежним, – одинокий луч очень красиво разрезал по вертикали одну из стен, ворвавшись в полумрак гостиной ослепительным лезвием света. – Мы больше не можем ощутить всю его прелесть, так как делали это раньше.

Стены окончательно сделались темными, свет померк, и в помещении зажглись искусственные лампы подсветки, напоминающие церковные свечи.

– И я вам скажу больше, – сообщил оратор заговорщически шепотом, – к нам подступает страх смерти. Нет, нет, не переживайте, – Николас вновь возбужденно замахал руками, – до смерти еще далеко. Я еще не дошел до этого. Но уже сейчас мы начинаем видеть только его – наше грядущее неизбежное! – он понизил тон. – И вдруг мы отчетливо понимаем, что нам не нужны больше ни женщины, ни острова, ни яхты, ни любые радости жизни, а нужна лишь старая добрая утка, – он страдальчески улыбнулся.

Стены аудитории вновь сделались прозрачными. Изображения на них искусственно стали увеличиваться, концентрируясь то на одном, то на другом из перечисленных ученым предметов роскоши. Постепенно картинки полностью оторвались по смыслу от окружающего пейзажа, транслируя отвлеченный видеоряд. Там были и парусные регаты, и горные восхождения, и гонки на аэроциклах, и шикарные застолья в орбитальных ресторанах, изображения новорожденных и силуэт влюбленной парочки на фоне заката – короче, все то, что у простого обывателя соответствует понятию «радости жизни».

– Да что говорить, я не смогу выкурить эту гребаную сигару, чтобы у меня не заболело внутри!

Николас достал из портсигара продолговатый предмет и

затянулся им в полной тишине. Над аудиторией потянулся сизый дымок, и собравшиеся недовольно зашущукались. Лицо Авроры при этом изобразило гримасу отвращения.

– Я не смогу выпить виски и заняться любовью – какая же это жизнь?! – воскликнул он с досады, не обращая внимание на недовольство аудитории. Затем он положил сигару на столик и посмотрел на нас умоляюще. – А потом... Что потом? – взгляд его подвернула печаль, а на лице застыло выражение артистичного отчаяния. – Я неизбежно умираю!

На последних словах свет в помещении полностью выключился, погрузив слушателей в кромешную темноту. Остался виден только тлеющей уголек лежащей на столике сигары. Так прошло пару секунд, и свет зажегся вновь.

– Зачем все это? – спросите вы, – декламировал статный оратор. – Зачем любовь и ненависть, страдания и радости, богатство и таланты, если все, что нас окружало, отправится вместе с нами в могилу? – он возвел очи к потолку, заменяющему ему небо, а затем указал на одного из слушателей в зале. – Посмотрите на моего отца! – все взгляды устремились на старого грека, подобно Хоккингу, сидящего в первом ряду в инвалидном кресле, древнего и изъеденного кривыми морщинами, как гористый ландшафт его родины. – Он стар, очень стар, но он по-прежнему хочет жить! Нет, решите вы, ему пора на покой, пора сойти со сцены бытия, но он не хочет этого! В душе он молод! В душе он кричит: «Хочу чувствовать, слышать, видеть, любить в полную силу!» –

голос Патероса стал тише. – Таков он внутри... но снаружи мы видим лишь унылого неподвижного старика. Прости, папа, – он спустился со сцены и поцеловал отца в щеку. – Трагедия нашей жизни – неизбежная смерть! – заключил грек. – Но пришло время перестать ее бояться и смело сказать ей нет! Давайте скажем все дружно: «Я не хочу умирать»! Повторяйте это снова и снова! Именно так! И вы будете правы! Встречайте, на пороге жизнь вечная!

Все ожидали, что сейчас должно случиться что-то невероятное, но Николас просто подошел к столу и налил себе бокал с шампанского. «Извините, в горле пересохло», – произнес он и сделал глубокий глоток. Собравшиеся недовольно зашушукались.

– Прошу еще немного терпения, – произнес он настойчиво. – Я уже округляюсь.

Аудитория еще пошумела пару секунд и наконец притихла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.